ХРОНИКИ

ИЗЛОМА

КНИГА 3

СКРЫВАЮЩИЕСЯ В ТЕНИ КОСМОСА

ДМИТРИЙ КЕРОВ

Дмитрий Керов

Хроники Излома. Книга 3. Скрывающиеся в тени космоса

«Автор»
2026

Керов Д.

Хроники Излома. Книга 3. Скрывающиеся в тени космоса / Д. Керов — «Автор», 2026

У «Искателя» наконец есть команда, корабль и дорога в неизведанные области космоса.Среди древних обломков Таар-Ил чувствует невозможное: мысль внутри мёртвого корабля. Она возникает лишь на мгновение — и исчезает, словно поняла, что её заметили.Андрей Вельский уже доказал, что не умеет проходить мимо тех, кому нужна помощь. Но на этот раз за безмолвием может скрываться не просьба о спасении, а дверь, которую слишком долго никто не решался открыть.Ведь космос кажется пустым лишь до тех пор, пока из темноты не посмотрят в ответ.

© Керов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Помощь умирающему 24
Глава 2. Голоса, которым больно 43
Глава 3. Координаты надежды 62
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Дмитрий Керов
Хроники Излома. Книга 3. Скрывающиеся в тени космоса

Пролог

Мертвые корабли не должны были сохранять мысли. Они могли годами удерживать тепло в изолированных контурах, прятать остаточные заряды в накопителях и даже продолжать передавать автоматические сигналы, если аварийным системам повезло пережить гибель лучше собственного экипажа. В их памяти оставались маршруты, последние приказы, неотправленные сообщения и изображения тех, кто еще не знал, что через несколько минут станет частью чужой истории. Однако мысль требовала живого разума, а разум, который Таар-Ил почувствовал внутри этого обломка, не походил ни на работу древней автоматики, ни на привычный ментальный след, оставляемый Саа. Он возник всего на одно мгновение. Слишком короткое, чтобы различить слова, образ или хотя бы направление чужого внимания, и достаточно отчетливое, чтобы молодой Саа отшатнулся от обзорной сферы, оборвал сканирование и несколько секунд не мог объяснить остальным, что именно заставило его замолчать. Собственное восприятие Таар-Ила не могло охватить четыре тысячи километров пустоты; обзорная система «Искателя» провела его ментальный импульс вместе со сканирующей волной и вернула слабый отклик. Где-то среди искореженного металла кто-то подумал. Затем мысль исчезла, словно разум, на краткий миг открывший глаза, заметил направленный на него взгляд и снова притворился мертвым.

Теперь Андрей искал его уже третий час. То, что неизвестный корабль когда-то прошел через Излом, сомнений почти не вызывало. Вдоль разорванных краев сохранялось знакомое искажение поля, которое сканеры «Искателя» уже научились отличать от обычных следов взрыва, столкновения или перегрузки двигателя. Таким же остаточным шрамом был покрыт «Гелиос» после перехода. Однако человеческий корабль Излом выпустил поврежденным, но целым, а этого гиганта нечто разорвало на несколько частей уже по другую сторону. Команда нашла только центральный фрагмент; остальные либо ушли по иным орбитам, либо исчезли задолго до появления здесь известных народов.

В обломок вошли четверо. Остальные трое членов экипажа остались на «Искателе», и их работа была не менее важной, хотя не требовала шагать по мертвым коридорам с оружием в руках. Манс удерживал корабль возле вращавшегося фрагмента, постоянно подправляя положение и не позволяя страховочным линиям натянуться при очередном изменении курса. Настя заняла сразу два рабочих места: на одном собирала карту из отраженных сигналов, на другом сводила потоки с камер высадки и отмечала каждый пройденный участок. Еще один небольшой экран она оставила на изображении открытого космоса; для работы он не требовался, но после плена Крылова не любила, когда все доступные окна одновременно показывали замкнутые помещения. Николаич превратил медицинский пульт в центр наблюдения за четырьмя скафандрами, следил за кислородом, усталостью и радиационной нагрузкой, а рядом заранее закрепил аварийный комплект для выхода, хотя прекрасно понимал, что оставлять корабль без врача можно лишь тогда, когда кому-то внутри уже совсем не повезло.

— Положение держу, связь держу, вас тоже пока держу, — сообщил Манс, когда обломок в очередной раз попытался уйти из зоны прямой передачи. — Но если этот кусок решит вращаться быстрее, я потребую считать удержание древнего города отдельным контрактом.

— Ты держишь корабль, — поправила Настя, не отрываясь от карты. — Высадку удерживают тросы, маяки и собственное благоразумие. Последнего у нас меньше всего, поэтому не отвлекайся.

Николаич попросил обоих не занимать медицинский канал спором, а затем напомнил группе, что время работы в скафандрах продолжает идти независимо от исторической ценности находки. После этого связь снова стала почти тихой, но Андрей уже не чувствовал четырех человек внутри обломка отдельными от оставшихся на корабле. Семь отметок на общей схеме продолжали двигаться ради одной задачи. Магнитные крепления на подошвах с тихими ударами цеплялись за темный пол, передавая вибрацию прямо в кости. Настоящего звука внутри разрушенного корабля не существовало: атмосфера исчезла отсюда задолго до того, как «Искатель» обнаружил обломок, и даже тяжелые шаги Ареса оставались безмолвными для пространства вокруг. Их слышали только датчики скафандров, превращавшие прикосновение металла к металлу в приглушенный стук, чтобы человеческое сознание не теряло связь с движением собственного тела. Впереди покачивался свет фонаря на плече десантника. Луч выхватывал из темноты гладкие стены, широкие ребра неизвестного сплава и тонкие серебристые линии, уходившие под обшивку сложным узором. Ни поручней, ни надписей, ни привычных дверных панелей здесь не было. Даже сам коридор оставался коридором лишь потому, что тянулся вперед и позволял двигаться по нему существам человеческого роста. Его стены сходились к потолку слишком плавно, пол выгибался под ногами, а через равные промежутки пространство разделяли овальные кольца, назначение которых не удалось определить ни сканерам «Искателя», ни Таар-Илу.

Арес поднял сжатый кулак. Андрей остановился. За его спиной замер Лиан, а Таар-Ил, двигавшийся последним, отключил тягу малых маневровых сопел и зафиксировался длинными пальцами за выступ стены. Общий канал остался открытым, однако никто не спросил, что произошло. За последние четыре вылазки команда успела выучить главное правило десантника: если Арес прекращал движение без объяснений, сначала следовало убедиться, что объяснение не собирается выстрелить. Саркисян медленно опустился на одно колено. Луч на его плече прошел по полу, задержался на едва заметной полосе и скользнул дальше, показывая тонкую щель, пересекавшую коридор от стены до стены.

— Настя, у нас впереди изменение конструкции, — произнес Арес, коснувшись перчаткой темной поверхности. — Либо дверь, либо часть пола очень убедительно притворяется дверью. По карте за ней что-нибудь есть?

Ответ пришел почти сразу. Голос Крыловой звучал так близко, будто координатор находилась за соседним кольцом, а не сидела на «Искателе» в нескольких сотнях метров от обломка и пыталась превратить данные внешнего сканирования в карту сооружения, превосходившего по размерам любой корабль, который люди видели прежде. — По карте за ней еще двадцать семь метров коридора. Потом участок, который сканирование не пробило. Если хочешь услышать более точный ответ, найди мне создателей этого корабля и попроси объяснить, почему половина внутренних переборок отражает сигнал, а вторая делает вид, что ее не существует.

— Обязательно, — пообещал Арес. — Сразу после того, как поймем, почему они бросили здесь корабль размером с небольшой город.

— Не корабль, — поправил Таар-Ил.

Молодой Саа не говорил сухо так, как его отец. За время, проведенное среди людей, он научился вкладывать в человеческие слова больше оттенков, чем большинство представителей его расы считало необходимым, но сейчас голос снова стал коротким и ровным. По общей ментальной связи прошел образ: громадное тело, от которого оторвали переднюю и заднюю части, оставив лишь изломанную середину.

— Фрагмент корабля, — перевел Андрей. — Спасибо. Теперь он кажется значительно меньше.

Таар-Ил повернул к нему темные глаза. — Это неточно.

— Именно поэтому и помогло.

Арес провел ладонью вдоль щели, нашел углубление и осторожно надавил. Ничего не произошло. Он попробовал сильнее, затем извлек из крепления на предплечье универсальный зонд и подвел его к поверхности. Тот мигнул желтым, несколько раз изменил частоту и сообщил, что перед ним находится неизвестный материал без доступных элементов управления.

— Технологии древней расы снова отказались открываться после вежливого обращения, — доложил десантник. — Командир, твоя очередь нарушать чужую собственность.

Андрей подошел ближе. Еще неделю назад подобная просьба заставила бы его сперва оглядеться в поисках человека, которому она предназначалась. Теперь никто не сомневался, кто должен отдать решение, и сам Вельский почти перестал тратить время на внутренний спор с должностью. Почти. Он отключил магнитные крепления, опустился рядом с Аресом и приложил ладонь к холодной поверхности. Костюм немедленно вывел перед глазами плотность материала, остаточный заряд и предупреждение о неизвестном составе, однако Андрей убрал лишние строки в сторону. Древняя броня, оставшаяся ему после штурма марканианского лагеря, за прошедшую неделю научилась понимать несколько человеческих жестов и теперь услужливо освобождала обзор всякий раз, когда хозяин начинал раздражаться. Лиан считал это первым признаком взаимной адаптации. Николаич — еще одной причиной не доверять вещи, способной изучать пациента быстрее врача. Под ладонью не было ни воздуха, ни тепла, ни движения. Только металл и слабое сопротивление стыка, удерживавшего две створки вместе.

Андрей закрыл глаза. Сила больше не приходила к нему взрывом. Она не заполняла череп синим огнем, не вытесняла мысли и не заставляла мир превращаться в набор предметов, которые можно отбросить, смять или вбить в ближайшую стену. После десятков часов тренировок Вельский научился начинать с малого: с ощущения собственной ладони, точки соприкосновения и одного-единственного намерения, которому не позволял разрастись во все стороны. Не открыть дверь. Не сорвать створки. Лишь определить, куда именно следует приложить усилие. Мир ответил знакомым напряжением в висках. Стык проявился в сознании не изображением, а системой сопротивлений. Две изогнутые пластины входили одна в другую, удерживаемые четырьмя запорами; один разрушился, второй перекосило, два остальных по-прежнему цеплялись за пазы. Андрей медленно провел пальцами вдоль щели, хотя сила двигалась глубже, подчиняясь не руке, а мысли.

— Верхний справа и нижний слева, — сказал он. — Оба целы. Механизма не чувствую.

— Ты не должен чувствовать механизм, — напомнил Лиан. — Телекинез не позволяет понимать устройство предметов. Ты воспринимаешь ответ материала на воздействие.

— Мне от этого сразу стало проще.

— Формулировка имеет значение. Если решишь, что способен видеть устройство любой технологии, однажды поверишь ошибочному ощущению и разберешь работающий реактор.

Арес немного отодвинулся от створок. — Предлагаю продолжить урок после того, как командир откроет дверь, а мы убедимся, что за ней нет работающего реактора.

Лиан не ответил, но в его молчании Андрей уже научился узнавать согласие учителя, которого отвлекли от важного объяснения доводом, оказавшимся слишком разумным. Вельский сосредоточился на верхнем запоре. Раньше он попытался бы вырвать оба сразу, потратил слишком много сил и получил головную боль прежде, чем дверь сдвинулась хотя бы на сантиметр. Теперь усилие легло на небольшую деталь, медленно повернуло ее внутри паза и остановилось в тот момент, когда сопротивление изменилось. Второй замок поддался сложнее. Металл деформировался после удара, и Андрею пришлось несколько раз отпускать его, заново искать направление и сдерживать естественное желание просто надавить сильнее. По лбу под шлемом поползла капля пота. Лиан наблюдал за показателями костюма и молчал. Это было хорошим признаком. Когда маг начинал советовать дышать ровнее, требовать остановиться

или произносил полное имя ученика, тренировка обычно заканчивалась медицинским осмотром. Запор наконец вышел из паза. Андрей открыл глаза и убрал руку.

— Теперь можно.

Арес вставил пальцы усиленной перчатки в щель и потянул. Створки неохотно разошлись, дрогнули и ушли в стены, словно продолжали выполнять последний полученный приказ даже после гибели всего корабля. За ними открылся новый участок. Он был шире прежнего коридора, а вдоль пола тянулись три глубоких желоба, заполненных чем-то похожим на застывшее черное стекло. Свет фонарей прошел вперед и потерялся в темноте.

— Настя, дверь действительно была дверью, — сообщил Арес. — Можешь отметить первую подтвержденную деталь на своей карте.

— Уже отметила. Заодно записала, что неизвестная цивилизация пользовалась дверями. Исследование продвигается стремительно.

— Мы стараемся.

Арес первым переступил порог. За ним двинулся Андрей. Лиан задержался возле открытых створок, провел сканером по внутреннему механизму и сохранил данные, хотя вероятность понять неизвестную технологию по двум перекошенным запорам оставалась невелика. Таар-Ил снова замкнул группу.

Обнаруженный фрагмент медленно вращался вокруг собственной оси. «Искатель» уравнял движение и держался рядом, но внутри обломка направление менялось так плавно, что человеческое тело этого почти не ощущало. Здесь не работала искусственная гравитация, не горели огни и не двигался воздух. Огромная конструкция неслась сквозь темноту по орбите вокруг тусклой звезды, до которой не дотягивалась ни одна известная фракция, и сохраняла молчание, пережившее, возможно, не одно тысячелетие. Молчание нарушили люди. Они вошли через пробоину в наружной обшивке, протянули страховочные тросы, расставили маяки и теперь шаг за шагом проникали туда, где с момента катастрофы не появлялся никто. По крайней мере, Андрей предпочитал так думать. Несколько раз им попадались следы движения: сдвинутые панели, открытые проходы и ровные разрезы на переборках, слишком правильные для случайных повреждений. Настя считала, что их оставили аварийные системы самого корабля. Арес каждый раз напоминал, что автоматике тоже не обязательно быть дружелюбной. Ни тел, ни личных вещей, ни единого изображения создателей они пока не нашли. Корабль существовал без экипажа, словно был построен не живыми существами, а самой пустотой, однажды решившей придать себе форму.

— След по-прежнему отсутствует, — произнес Таар-Ил.

Его мысль прошла по общей связи холодным прикосновением. Молодой Саа осторожно раскрывал восприятие, касался пространства впереди и немедленно отступал, не позволяя сознанию уйти слишком далеко от тела. Саар-Эн наверняка одобрил бы осторожность сына. Манс назвал бы ее подозрительной потерей времени.

— Он может не повториться, — сказал Андрей.

— Может.

— Но ты уверен, что почувствовал разум?

Таар-Ил не обиделся. В связи возник образ темной воды, в которой далеко под поверхностью на мгновение раскрылся глаз. Не доказательство. Не знание. Только чужое внимание, слишком ясное, чтобы принять его за собственный страх. — Уверен, — ответил он.

Андрей кивнул и продолжил движение. Именно ради этого мгновения «Искатель» отказался от первоначального маршрута, потратил почти шестнадцать часов на сближение с обломком и теперь висел рядом с мертвым гигантом, похожий на маленькую металлическую птицу, присевшую на тело существа, которое при жизни могло проглотить ее целиком. Само расстояние корабль преодолел бы значительно быстрее; почти все время ушло на погашение относи-

тельной скорости, сверку вращения и осторожный подход к объекту, вокруг которого двигалось слишком много мелких фрагментов, чтобы Манс рискнул обычным разгоном.

Еще неделю назад у команды не было ни маршрута, ни выполненных контрактов, ни права называть подобные решения рабочими. У нее был только новый корабль, имя, нанесенное на борт строительной краской, и командир, который тайком поднял его в воздух за несколько часов до собственной торжественной церемонии.

Первый полет «Искателя» продолжался пять часов сорок одну минуту. Шесть минут Настя сэкономила на обратном пути, потому что Манс воспринял расчетное время возвращения как личное оскорбление и нашел поток, отсутствовавший на карте. Таар-Ил обнаружил его на две секунды раньше пилота, однако до самого Нового Гелиоса они спорили, кто именно первым понял направление. Андрей в разговор не вмешивался: он сидел в командирском кресле, пытался не показать, насколько устал после одной короткой тренировки Лиана в невесомости, и наблюдал, как планета медленно заполняет обзорные панели. На посадочной площадке их ждали. Не тысячи жителей, для которых готовили помост, полотнища и речь, а Рахманов, Левин, четверо дежурных и совершенно неподвижная Белова. Позади них рабочие пытались решить, следует ли продолжать устанавливать декорации для первого вылета корабля, уже вернувшегося из этого самого вылета. Манс предложил снова подняться и сделать вид, что они только прилетели со стороны Пристани. Настя отключила ему доступ к тяге раньше, чем Андрей успел оценить предложение. Левин встретил бывшего подчиненного у трапа, молча дождался, пока тот спустится с тростью, и посмотрел на него тем самым взглядом, под которым младший связист когда-то начинал искать ошибку в отчете еще до того, как узнавал о ее существовании.

— Я ведь сам учил тебя обходить формальности, — произнес старший связист. — Но надеялся, что ты начнешь хотя бы с опоздания на церемонию, а не с кражи ее главного участника.

— Корабль принадлежит группе.

— Главный участник — ты, Андрей.

— Тогда технически я украл себя.

— Именно это я и собираюсь объяснить Воронцову. Думаю, ему станет значительно легче.

Капитан на площадку не пришел. После конфликта из-за договора с Домом Дальних Течений он сохранял ту особенную дистанцию, которая позволяла признавать результаты Андрея, не признавая способа, которым они были достигнуты. Однако разрешение на испытательный полет оказалось подписано еще до взлета, коридор согласован, а все системы «Искателя» работали исправно. Наказывать команду было не за что, если не считать испорченной речи Рахманова, трех часов работы техников и половины Нового Гелиоса, проснувшейся слишком поздно, чтобы увидеть первый подъем человеческого корабля. Поэтому церемонию перенесли на вечер и назвали встречей после успешного испытания. Левин переписал речь. Манс утверждал, что так получилось даже лучше.

На следующий день «Искатель» получил первый контракт. Он оказался настолько простым, что Арес подозревал в нем скрытую проверку. Дом Дальних Течений просил доставить автоматический картографический буй к краю плохо изученного сектора и вернуть данные о трех гравитационных потоках. Полет занимал меньше суток, опасность в документах обозначалась как минимальная, а оплатой служили двенадцать тысяч общих кредитов и доступ к обновленной карте ближайших систем. Андрей согласился после десятиминутного обсуждения с командой и сорокаминутного разговора с Воронцовым, который хотел знать, почему группа принимает заказ от частного Дома, не предложив его Совету людей. Вельский напомнил, что корабль строился именно для самостоятельных экспедиций. Капитан ответил, что самостоятельность не отменяет ответственности перед Новым Гелиосом. Они разошлись, не

убедив друг друга, однако через час Тарновская прислала список материалов, которые следовало купить на часть заработка, а Рахманов попросил привезти любой образец пригодного для переработки вещества, если он попадется по пути. Так первый контракт команды еще до вылета превратился в первый контракт всего поселения.

За неделю их стало четыре. «Искатель» доставил буй, провел картографирование, нашел потерянный грузовой модуль и сопроводил к Пристани транспорт небольшой торговой семьи, чей собственный защитный контур начал отказывать на середине маршрута. Последняя работа не принесла большой прибыли, зато позволила Насте получить доступ к картам внутренних течений Союза, Николаичу — пополнить медицинские запасы, а Мансу — два часа объяснять чужому пилоту, что перегретый двигатель не становится надежнее от уверенности владельца. Каждый раз часть оплаты уходила Новому Гелиосу. Никто не устанавливал обязательный процент. Андрей просто отправлял Рахманову список полученного, Настя вычеркивала то, что требовалось самому экипажу, а Тарновская находила применение всему остальному быстрее, чем груз успевали выгрузить. Несколько энергетических преобразователей отправились на ремонт «Гелиоса», очищенный металл — в строительные модули, кредиты — на закупку деталей для городских систем. Суммы оставались небольшими рядом с потребностями двух тысяч человек, но впервые Новый Гелиос получал ресурсы не по вире, не в качестве помощи и не в обмен на технологии целой расы. Их зарабатывали семеро членов экипажа на корабле с неровным именем на борту.

Андрей почти не замечал, как проходили дни. Если он не сидел в командирском кресле, не обсуждал следующий маршрут с Настей и не пытался понять, почему Манс считает любую рекомендацию бортовой системы началом личного спора, его находил Лиан. Маг относился к обучению с терпением человека, который заранее принял неизбежность чужих ошибок, но не собирался позволять ученику повторять одну и ту же ошибку дважды. Первые занятия проходили в пустом грузовом отсеке. Николаич убрал оттуда все, чем Андрей мог себя покалечить, Арес закрепил оставшиеся контейнеры, а Манс подключил камеры, объяснив это необходимостью контролировать безопасность и ни разу не признавшись, сколько записей потом пересмотрел.

Лиан начинал с телекинеза. Не с тяжелых предметов, которыми Андрей уже умел убивать, и не с попыток снова достичь силы, проявившейся в пустынном лагере. На полу лежали десять металлических пластин разного веса, несколько шариков и прозрачная емкость с водой. Вельский должен был поднимать их по одному, удерживать на заданной высоте и опускать прежде, чем дрожь переходила от пальцев к плечам. В первый день он справился с шестью пластинами. Седьмая ударилась о потолок.

— Контроль отсутствует, — определил Таар-Ил, наблюдавший из дверного проема.

— Спасибо, — выдохнул Андрей. — Именно этого замечания мне не хватало.

— Я могу добавить более подробное.

— Не нужно.

— Тогда продолжай, — сказал Лиан. — И перестань смотреть на предмет. Ты двигаешь его не глазами.

К концу третьего дня Андрей удерживал все десять пластин, заставлял шарики двигаться между ними и мог остановить падающую емкость прежде, чем вода касалась пола. После каждого занятия форма прилипала к спине, руки дрожали, а Николаич измерял пульс с выражением врача, которому пациент снова доказал отсутствие здравого смысла, но потери сознания больше не происходило. Это казалось колоссальным достижением именно потому, что со стороны выглядело почти незаметным. Андрей научился прекращать. Не тогда, когда тело уже отказывало, а на несколько секунд раньше. Он распознавал гул в висках, металлический вкус и странное ощущение, будто собственные мысли становятся слишком большими для черепа. Лиан заставлял его опускать предметы при первом признаке, даже если упражнение оставалось

незаконченным. Сначала Вельский воспринимал это как поражение. Затем понял, что способность остановиться и есть та часть силы, которой ему недоставало в лагере.

Стихия воздуха проявилась случайно. На четвертый день прозрачная емкость снова сорвалась с крепления. Андрей остановил ее телекинезом, но вода продолжила двигаться и ударила в стенку, выплеснувшись через край. Вельский раздраженно выдохнул, протянул руку — и воздух в отсеке ответил. Не порывом, способным сбить человека с ног. Над ладонью возникло небольшое завихрение, подхватило капли и на мгновение удержало их в форме дрожащего кольца. Затем вода осыпалась на пол, а Лиан впервые за все время занятия забыл потребовать продолжения. Он смотрел на пустое пространство над рукой ученика.

— Это было не обычное телекинетическое движение, — произнес Лиан, не скрывая внезапного интереса. — Повтори тот же жест, но медленнее и без попытки добавить силу.

— Я даже не понял, что именно сделал.

— Поэтому и не торопись. Вспомни не результат, а ощущение перед ним.

Вторая попытка закончилась ничем. Третья заставила воздух дрогнуть. На пятой легкий поток прошел между пластинами, не сдвинув их, но погасив выставленное Лианом контрольное пламя. Маг улыбнулся. Андрей до этого видел, как Лиан выражал одобрение, облегчение и сдержанное веселье. Настоящую, почти мальчишескую радость на его лице он увидел впервые.

— Это вторая грань, — сказал маг.

— Вторая после телекинеза?

— Телекинез не относится к стихиям. Он может быть проявлением отдельной грани или следствием иной способности, которую мы пока не понимаем. Воздух — первая подтвержденная стихийная направленность. Но вместе они доказывают, что твой разум не просто использует случайный выброс энергии. Он формирует каналы.

— Насколько это хорошо?

— Я пока не знаю.

Ответ прозвучал честно, но восторг никуда не исчез. Позднее Лиан объяснил, что прирожденный маг Магократии мог обладать от одной до пяти граней таланта, хотя каждая следующая встречалась реже предыдущей. Одни чувствовали только определенную стихию, другие управляли несколькими, третьи сочетали их с воздействием на разум, пространство или живую ткань. Способности раскрывались в детстве, развивались годами и зависели от наследственности так же сильно, как человеческий рост или цвет глаз. У Андрея не было ни магических предков, ни сформированных в детстве каналов. По всем законам Магократии он вообще не должен был делать ничего из того, что делал. Это не помешало Мансу вечером связаться с командиром и сообщить, что Лиан уже сорок минут разговаривает по дальней связи со своим наставником.

— Он кричит? — спросил Андрей.

— Лиан не умеет кричать. Он просто говорит в три раза быстрее обычного и уже дважды назвал тебя уникальным случаем. Для него это, подозреваю, истерика.

— Ты подслушиваешь чужой разговор?

— Я пилот. Если кто-то использует дальний передатчик моего корабля и произносит имя командира с таким выражением, я обязан убедиться, что нас не продают. Кстати, поздравляю. Насколько я понял, обучение тебя магии напоминает попытку научить обезьяну читать и писать, а обезьяна внезапно открыла библиотеку.

Лиан появился в проходе прежде, чем Андрей успел ответить. — Я не использовал слово «обезьяна».

Манс выглянул из кабины. — Но сравнение верное?

Маг помолчал. — Оскорбительно сформулированное.

— Значит, верное.

Андрей решил не уточнять, что именно сильнее задело учителя: сравнение ученика с животным или слишком точный пересказ закрытого разговора. Открытие второй способности не превратило тренировки в череду чудес. Воздух подчинялся хуже металла, требовал постоянного внимания и существовал только там, где имелось что двигать. В открытом космосе новая грань становилась бесполезной. В разгерметизированном отсеке — тоже. Андрей не создавал вещество из пустоты и не мог вызвать бурю там, где отсутствовала атмосфера. Он лишь чувствовал движение газа, менял давление и направлял уже существующий поток. Огненная грань Лиана сталкивалась в вакууме с тем же ограничением, тогда как геомантия находила материал в самом корпусе, а маги воды могли использовать замерзший конденсат и лед в поврежденных системах. Лиан считал ограничение естественным. Манс предложил возить с собой баллон и выпускать воздух во врагов. Николаич запретил обсуждать эту идею рядом с системой жизнеобеспечения.

Таар-Ил присоединился к занятиям на пятый день. Сначала молодой Саа просто наблюдал. Затем начал помогать Андрею удерживать сознание собранным, накрывая его мысли ровным ментальным полем и заставляя отделять собственное усилие от энергии костюма. Вскоре выяснилось, что Лиан способен чувствовать это поле не хуже самого Вельского, хотя ни разу прежде не говорил о псионике.

— Одна из граней, — пояснил он, когда Таар-Ил впервые коснулся его сознания и встретил не закрытую стену, а тщательно выстроенную защиту. — Слабая. Для Магократии недостаточная, чтобы считать меня менталистом.

— Для Саа тоже, — ответил Таар-Ил.

Манс, наблюдавший через камеру, попросил уточнить, является ли это началом дружбы. Оба проигнорировали вопрос.

Андрей почти не верил в случайность. Архимаг Арден мог отправить в его команду любого бойца, однако выбрал человека, сочетавшего боевую магию, опыт малых групп и способность воспринимать псионику. Возможно, Лиан действительно оказался рядом только потому, что лучше других подходил для обучения. Возможно, архимаги Магократии видели в силе Вельского задачу, решения которой не собирались ждать со стороны. Лиан не отрицал ни одной версии. Он лишь напоминал, что подозрение тоже нуждается в доказательствах. Именно на совместной тренировке Таар-Ил научился расширять восприятие дальше привычной границы, не теряя себя в чужом эмоциональном фоне. Он искал разум Андрея за переборками, отличал его от мыслей остальных членов экипажа и постепенно увеличивал расстояние. Сначала на десятки метров. Потом на сотни.

На седьмой день «Искатель» проводил дальнее сканирование неизвестного обломка. Таар-Ил сидел у обзорной сферы, Лиан удерживал рядом собственное ментальное поле, а Андрей находился в грузовом отсеке и пытался заставить пять металлических пластин двигаться в воздушном потоке, не касаясь их телекинезом. Тогда молодой Саа и почувствовал мысль. Она пришла не с «Искателя». И не принадлежала никому из живых, кого он знал.

Три часа спустя они все еще не нашли ее источник. Новый коридор закончился открытым пространством, уходившим вверх и вниз далеко за пределы света. Слово «шахта» подходило ему лишь приблизительно. Внутренние стены образовывали многогранную трубу шириной почти в сорок метров, а по центру тянулась конструкция из переплетенных колец, между которыми застыли десятки темных платформ. Некоторые перекосило, другие сорвало с направляющих; одна висела прямо напротив выхода и медленно вращалась, удерживаемая тонким кабелем. Арес закрепил страховочный трос за край прохода и направил фонарь вниз. Луч достиг двух ближайших уровней, выхватил из темноты обломки и исчез.

— Если это лифт, то создатели не любили ждать, — сказал он. — Сюда небольшой десантный корабль поместится.

— Или они были крупнее марканианцев, — предположил Андрей.

— Тогда я предлагаю не находить живых.

Таар-Ил скользнул к краю и остановился рядом. Его пальцы коснулись внутренней стены, по которой расходились серебристые линии. На этот раз ментального образа не последовало. — Конструкция не предназначена для одного аппарата, — произнес он. — Платформы двигались независимо.

— Откуда знаешь?

Молодой Саа указал на кольца. В свете фонаря стали видны отдельные направляющие, уходившие по разным сторонам, и десятки одинаковых узлов крепления. — Наблюдение.

— Уже лучше, — одобрил Арес. — Еще несколько дней среди людей, и начнешь объяснять раньше, чем тебя спросят.

— Это увеличивает число слов.

— Именно.

Настя прервала их прежде, чем разговор успел превратиться в очередной спор о достоинствах человеческой речи. — Не спускайтесь. По моим данным, нужный уровень выше вас на сто двенадцать метров. Там шахта соединяется с большим поперечным отсеком. Если корабль сохраняет хоть какую-то логику, это ближайший кандидат на управляющий центр.

— А если не сохраняет? — спросил Андрей.

— Тогда мы уже три часа идем в неправильную сторону, и я предпочту узнать об этом после того, как вы проверите отсек.

Арес включил маневровый блок. Короткая струя газа оттолкнула его от края, страховочный трос медленно размотался, и десантник поплыл вдоль шахты. Остальные последовали за ним. Магнитные крепления больше не помогали; им приходилось двигаться небольшими импульсами, следить за вращавшимися обломками и помнить, что даже легкое столкновение в невесомости способно отправить человека в долгий полет до противоположной стены. Андрей держался вторым. Костюм показывал скорость, направление и расстояние до Ареса, однако взгляд все равно цеплялся за темную глубину. Свет четырех фонарей не делал пространство меньше. Он только показывал, сколько еще темноты остается вокруг. На середине подъема одна из платформ дрогнула. Арес мгновенно погасил тягу и развернулся, поднимая оружие. Андрей остановился следом, Лиан ушел немного в сторону, освобождая линию огня, а Таар-Ил замкнул сознания группы защитным полем. Платформа медленно повернулась вокруг поврежденного крепления. Под ней отделился небольшой фрагмент металла и поплыл вниз. Никто не выстрелил.

— Зафиксировано движение неизвестного противника, — сообщил Манс из кабины «Искателя». — Противник отступает под действием собственной инерции. Экипаж может продолжать.

— Ты видишь наши камеры? — спросил Андрей.

— Только когда Настя не забирает весь канал под свою карту. И когда вы не находитесь под несколькими километрами неизвестного сплава. В остальное время я практически рядом.

— Практически рядом сейчас находится Арес. Ты сидишь в кресле.

— Кто-то должен охранять корабль.

Голос Николаича вклинился в канал: — И следить, чтобы четверо, игнорирующие усталость, вернулись до того, как запас кислорода превратится из цифры в медицинскую проблему. У Андрея пульс сто двенадцать.

— Мы только что встретили платформу, — ответил Вельский.

— Очень страшную, судя по показателям. Дыши ровнее.

Андрей подчинился. За прошедшую неделю он обнаружил, что должность командира дает право выбирать маршрут, принимать контракты и отдавать приказы в бою, но никак не влияет на способность Николаича требовать выполнения врачебных рекомендаций в общем канале. Они добрались до нужного уровня через несколько минут. Поперечный проход ока-

зался закрыт не дверью, а целой стеной, в центре которой находилась неглубокая овальная ниша. Ее поверхность отличалась от окружающего металла: матовая, почти черная, покрытая рядами крошечных выступов. Арес приблизил сканер.

— Никакой реакции.

Таар-Ил коснулся ниши. На мгновение серебристые линии вокруг его пальцев стали ярче. Молодой Саа резко отдернул руку.

— Что произошло? — спросил Андрей.

В общую связь пришло ощущение прикосновения к ледяной воде. Не боль. Скорее слабый остаточный заряд, заметивший живое присутствие и тут же исчезнувший. — Система получила сигнал, — сказал Таар-Ил. — Ответить не смогла.

Лиан подплыл ближе и провел ладонью над выступами, не касаясь их. — Магического потока нет. Псионический след тоже исчез.

— Значит, открывать снова мне, — заключил Андрей.

— Нет, — одновременно сказали Лиан и Николаич.

Арес развернул к нему шлем. — Редкий случай полного согласия науки и медицины. Предлагаю не спорить.

— Я не собирался вырывать стену.

— Именно так обычно начинается попытка вырвать стену, — заметил Николаич.

Настя потребовала приблизить камеры. Андрей и Арес поочередно направили изображение на нишу, Лиан включил боковую подсветку, а Таар-Ил передал запись короткой реакции. Несколько секунд Крылова молчала. На «Искателе» работали сканеры, сопоставляя изгибы поверхности с той частью конструкции, которую удалось увидеть снаружи.

— Это не замок, — наконец сказала она. — По крайней мере, не только замок. Выступы образуют схему. Видите три ряда возле правого края?

Андрей увеличил изображение. Крошечные элементы действительно отличались высотой, но никакого рисунка человеческий глаз в них не находил. — Вижу много одинаковых точек.

— Они не одинаковые. Верхние повторяют расположение колец в шахте. Средний ряд совпадает с уровнями, которые мы уже прошли. Нижний уходит дальше, за стену. Похоже на тактильную карту или часть интерфейса.

— Для пальцев? — спросил Арес.

— Не человеческих. Таар-Ил, когда ты коснулся поверхности, она считала положение всей ладони?

Молодой Саа повторно приблизил руку, но не прижал. Сканер костюма показал слабое изменение электромагнитного поля вокруг каждого пальца. — Больше, — ответил он. — Предполагалось несколько точек контакта за пределами моей ладони. По связи прошел образ конечности, расходившейся веером на множество тонких отростков.

— Значит, у создателей было больше пальцев, — произнес Арес. — Наконец-то полезное описание. Уже можно составлять ориентировку.

— Или интерфейс рассчитан не на конечность, — возразила Настя. — Подключите проекционный адаптер и повторите расположение всех точек одновременно.

Лиан извлек из контейнера гибкую сетку. Устройство принадлежало Дому Дальних Течений и предназначалось для работы с чужими системами без прямого соединения. Саа использовали десятки тонких контактов, способных менять форму, частоту и напряжение, пока подключаемая технология не начинала отвечать. Настя загрузила в адаптер схему выступов, Таар-Ил закрепил сетку над нишей, а Андрей удерживал ее телекинезом, не позволяя контактам сместиться в невесомости. Первый импульс не дал результата. Второй заставил серебристые линии вокруг ниши коротко вспыхнуть. На третьем стена начала раскрываться. Она не разо-

шлась на створки. Центральная часть словно потеряла твердость, потемнела и втянулась в края овала, образуя проход. За ней проступил огромный зал.

Арес первым направил внутрь оружие. Свет фонаря скользнул по десяткам вертикальных конструкций, зависших между полом и потолком, отразился от гладких поверхностей и раскрыл пространство, настолько непохожее на человеческую рубку, что Андрей не сразу понял, почему Настя выбрала именно его. Здесь не было кресел. Не было общего обзорного экрана, центрального стола или отдельных рабочих мест. По стенам тянулись изогнутые панели, каждая состояла из сотен темных пластин. В центре висели три огромных кольца, вложенные одно в другое, а внутри них находилась черная сфера диаметром в несколько метров. От пола к ней поднимались тонкие опоры, похожие скорее на стебли растений, чем на элементы корабля. Серебристые жилы покрывали их, сходились возле сферы и уходили к стенам. Дальний конец зала терялся в темноте. По приблизительной оценке, помещение занимало несколько уровней сразу и могло вместить весь мостик «Гелиоса» вместе с соседними отсеками.

— Это рубка? — спросил Андрей.

— Я сказала «кандидат на управляющий центр», — напомнила Настя. — Не заставляй меня отвечать за архитектуру существ, которых мы никогда не видели.

— Кандидат выглядит дорого, — произнес Манс. — Значит, мы на верном пути.

Арес отпустил страховочный трос и медленно вошел в зал. Магнитные крепления снова коснулись поверхности, но пол оказался выгнутым и уходил к стенам, словно внутренняя сторона огромной чаши. Десантник проверил ближайшие панели, заглянул за центральные опоры и только после этого разрешил остальным следовать. Андрей переступил границу. Костюм немедленно отметил множество слабых электромагнитных контуров, однако ни один не работал. Остаточный заряд сохранялся в материале, как тепло в давно остывшем камне, и не позволял определить назначение систем. Таар-Ил раскрыл психическое восприятие, но чужая мысль не повторилась. Лиан коснулся одной из опор и покачал головой.

— Ни энергии, ни магии.

— Ты ожидал найти магию? — спросил Арес.

— После знакомства с человеком, который получил способности без врожденного таланта, я перестал считать отсутствие ожиданий полезным методом исследования.

— Хорошо сказано, — одобрил Андрей.

— Это не похвала.

Арес занял позицию у входа. Таар-Ил направился к центральной сфере, а Андрей и Лиан начали устанавливать маяки по периметру. Изображения с их камер одно за другим появлялись перед Настей.

— Остановитесь, — потребовала она. — Дайте доступ ко всем потокам без фильтрации костюмов.

— Там будет помех больше, чем изображения, — предупредил Андрей.

— Мне нужны и помехи. Ваши системы убирают отражения, потому что считают их шумом. На этом корабле шум может оказаться единственным рабочим интерфейсом.

Вельский подтвердил доступ. Лиан сделал то же самое, Арес отключил боевую маску, скрывавшую часть тактических данных, а Таар-Ил передал сенсорный поток напрямую. Настя получила четыре немного различающиеся картины одного помещения и на некоторое время исчезла из разговора. — Ничего похожего в наших архивах нет, — произнесла она наконец. — Саа выращивают обшивку слоями и прячут системы под чешуйчатыми пластинами. Магократия встраивает в конструкцию накопители. Марканианцы не оставили бы столько пустого пространства, а у корлианцев половина этого зала вообще не имела бы материального корпуса. Даже архитектура «Сиар'Ваала» устроена иначе. Это не неизвестная модель знакомой расы. Перед нами самостоятельная школа кораблестроения, о которой ни одна из доступных карт ничего не знает.

Последняя фраза заставила всех ненадолго замолчать. За первый месяц в новом мире люди успели привыкнуть к существованию тайн, способных пережить целые цивилизации, однако одно дело — читать о неизвестных строителях станции и совсем другое — стоять внутри их возможного современника, чувствуя под подошвами металл, к которому прежде не прикасался никто из знакомых народов.

Андрей медленно обошел центральные кольца. С обратной стороны сферы обнаружилась вытянутая панель. Она выступала из пола под углом и была покрыта теми же крошечными точками, что и входная ниша, но здесь между ними проходили тонкие углубления, образуя сложную многослойную схему. Несколько участков мерцали слабым отраженным светом, хотя ни один фонарь не был направлен прямо на них. Таар-Ил остановился рядом.

— Это место использовали часто, — сказал он.

— Износ?

Саа показал на верхнюю часть. Темный материал выглядел чуть светлее, а выступы сгладились, словно к ним тысячи раз прикасались. — Да.

— Значит, хотя бы кто-то здесь работал руками.

— Не обязательно руками.

— Дай мне сохранить одну удобную мысль.

Таар-Ил коснулся панели кончиками пальцев. Реакции не последовало. Он прикрыл глаза, сосредоточился и осторожно направил ментальный импульс внутрь материала. Андрей почувствовал его через общую связь: короткий вопрос, лишенный слов и образов, обращенный не к разуму, а к системе, которая могла быть создана для их восприятия. Панель осталась мертвой.

— Питания нет, — сказала Настя.

— Ты определила это по отсутствию реакции? — спросил Манс.

— Я определила это по четырем сенсорным потокам, остаточному полю и тому, что каждая линия от центрального интерфейса уходит к одному узлу в основании зала. Узел не разрушен, но на нем ноль. Совсем. Даже аварийного накопителя нет.

— Или он давно разрядился, — добавил Андрей.

— Или его никогда не было. В любом случае местные системы сами не проснутся.

Несколько секунд никто не говорил. Предложение существовало еще до того, как Андрей произнес его. Он видел внешний разъем «Искателя», знал запас реактора и помнил, сколько преобразователей Дом установил по просьбе Манса. Новый корабль строился для дальних экспедиций и мог делиться энергией с поврежденными аппаратами. Но одно дело — подать питание на знакомый грузовой модуль, и совсем другое — соединить реактор единственного человеческого разведчика с технологией, пережившей собственных создателей.

— Запитаем рубку от «Искателя», — сказал Андрей.

— Нет, — ответил Манс. Он произнес это без привычной шутки.

— Обоснуй.

— Мы не знаем напряжение, частоту, принцип передачи и то, считает ли эта система поступление энергии просьбой включиться или началом атаки. Еще мы не знаем, куда она отправит первый импульс. Если обратно в линию, он придет прямо в наш реактор. Я люблю исследования, командир. Особенно те, после которых мой корабль остается кораблем.

— Поэтому поставим преобразователь и разрыв контура.

— Поставим. Потом ограничитель, два независимых предохранителя и ручной сброс. И запитывать будем не весь этот летающий материк, а только помещение, в котором вы стоите.

Настя развернула над своей консолью схему найденного зала и начала отмечать линии. — У центрального узла есть отдельная ветвь. Она уходит к внешней обшивке, а уже потом соединяется с общей сетью. Возможно, сервисный ввод.

— Возможно? — переспросил Николаич.

— Если скажу «точно», вы все начнете вести себя смелее, чем позволяют данные.

— Продолжай говорить «возможно».

Манс выдохнул в канал. Раздражение не исчезло, но стало рабочим. — Моя птичка и не такое судно запитать сможет. В нынешней конфигурации энергии хватит на местный узел, сканеры и часть памяти, если эта штука не потребляет как половина Пристани. Будь реактор мощнее, я бы дал короткий импульс сразу во всю сеть, позволил автоматике самой распределить нагрузку и потом объяснял Тарновской, почему нам нужен новый реактор. Сейчас придется будить системы по одной, медленно, иначе мы либо спалим их электронику, либо свою.

— Начинаем с рубки, — решил Андрей.

— С кандидата на управляющий центр, — поправила Настя.

— Если после всего этого помещение окажется столовой, я потребую у тебя официальных извинений.

— Если это столовая, мы обнаружили расу, которая ела вокруг черной сферы высотой в два человеческих роста. Я извинюсь лично.

План занял несколько минут. «Искатель» должен был подойти к внешней обшивке ближе, сохраняя расстояние на случай внезапного выброса. Манс выносил силовой кабель через нижний шлюз и тянул его к точке, которую Настя определила по внутренней линии. Лиан возвращался к ближайшей пробоине и помогал закрепить тяжелый преобразователь на корпусе обломка. Его геомантия позволяла чувствовать сплавы, двигать металлические пластины и удерживать их в невесомости; для такой работы она подходила лучше усиленной брони Ареса, а сам десантник требовался Андрею внутри. Перед выходом Манс свел вращение «Искателя» с обломком до минимальной погрешности, перевел корабль в режим автоматического удержания и оставил Насте одну аварийную команду: немедленный отход по заранее рассчитанному вектору. Управлять кораблем вместо пилота она не могла, но автоматика была способна сохранять положение в течение всего расчетного времени наружных работ. Если начиналось непредвиденное, Крылова должна была увести «Искатель», не дожидаясь, пока Манс вернется в кресло. Сам пилот заставил ее дважды повторить порядок действий и только после этого открыл нижний шлюз.

— Почему внутри обязательно требуется именно Арес? — спросил Николаич.

— Потому что после подачи питания может заработать не только интерфейс, — ответил Саркисян.

— Наконец-то кто-то произнес это вслух.

Лиан проверил запас газа в маневровом блоке и направился к выходу. Перед тем как покинуть зал, он остановился возле Андрея, но Вельский опередил очередное предупреждение: — Не подключать костюм напрямую, не пытаться запустить панель силой и не открывать сознание без Таар-Ила. Я помню.

— Лиан, — добавил Андрей, когда маг всё равно не сдвинулся с места.

Маг задержал взгляд на его лице. — Ты часто знаешь правильное действие раньше, чем нарушаешь его. Я уточняю, какую именно ошибку придется исправлять после возвращения.

Арес негромко рассмеялся у входа. — Не задерживайся, маг. Пока ты снаружи, командир остается на нас двоих.

— Это и вызывает беспокойство.

Лиан покинул рубку. Андрей проследил за его отметкой. Маг двигался обратно по установленным маякам, ускоряясь на прямых участках и почти не тратя газ там, где мог оттолкнуться от стен. Через двенадцать минут он достиг внешнего разлома. Еще через три в канале появился голос Манса. — Вижу нашего огненного специалиста. В космосе огня нет, поэтому выглядит значительно спокойнее.

— Я слышу тебя, — ответил Лиан.

— На это и рассчитывал. Кабель справа от шлюза. Не хватайся за синюю маркировку.

— Почему?

— Потому что слева зеленая, и я хочу проверить, читаешь ли ты инструкции.

— Манс, — предупредил Андрей.

— Работаем, командир.

Изображение с камеры пилота появилось на общем канале. «Искатель» висел на фоне обломка, и только теперь Андрей снова увидел настоящую разницу в размерах. Корабль Дальних Течений, казавшийся огромным на площадке Нового Гелиоса, рядом с чужой конструкцией превратился в небольшую птицу с вытянутыми крыльями. Бронзово-серебристая чешуя отражала далекий свет, под знаком Дома отчетливо белело нанесенное от руки имя, а из раскрытого нижнего шлюза медленно выплывал толстый силовой кабель. За ним поднималась стена неизвестного корабля. Она занимала весь обзор, уходила вверх, вниз и в обе стороны, пока не растворялась в темноте. Разлом, через который проникла группа, на ее фоне выглядел царапиной. Дальше поверхность изгибалась, показывая толщину центрального фрагмента, и Андрей в очередной раз поймал себя на мысли, что не способен представить целый корабль. Если сохранившийся кусок превосходил «Гелиос» в несколько раз, то первоначальная конструкция создавалась не для рейса между двумя мирами. Она могла быть городом, ковчегом или чем-то, для чего в человеческом языке еще не существовало подходящего названия.

Манс закрепил страховку, ухватил кабель и вытянулся вдоль корпуса «Искателя». Пилотский костюм Саа облегал тело, темные пластины вдоль рук и спины мерцали при каждом включении малых двигателей. Управлять кораблем из него было удобно. Работать с силовым кабелем в открытом космосе — значительно меньше. Лиан вышел из разлома и направился навстречу. Между двумя фигурами тянулась тонкая линия, способная передать энергию человеческого корабля мертвому гиганту.

— Настя, показывай точку, — потребовал Манс.

На изображении появился маршрут. Он уходил вдоль корпуса почти на двести метров, огибал выступ и заканчивался возле темной впадины, под которой проходила найденная внутренняя ветвь. Пилот посмотрел на линию, затем на кабель. — В следующий раз сначала находим разъем, потом ставим корабль.

— В следующий раз ты не будешь утверждать, что способен подлететь ближе любой автоматики, — ответила Настя.

— Способен. Я не говорил, что поставлю ближе к нужному месту.

Они двинулись. Первые сто метров прошли без происшествий. Лиан удерживал кабель ближе к корпусу, не позволяя ему выгнуться огромной дугой, Манс двигался впереди и закреплял временные скобы в углублениях брони. В обычных условиях работу выполнили бы ремонтные аппараты, но автоматика «Искателя» не распознавала материал обломка и отказывалась выбирать точки крепления без подтверждения живого оператора. Пилот подтверждал каждую лично, сопровождая решение замечаниями о чрезмерной осторожности машин, которые прежде считал единственными разумными собеседниками. Возле выступа поверхность резко ушла вниз. Манс изменил направление, потянул за собой кабель и слишком поздно заметил длинную пластину, висевшую в нескольких метрах над корпусом. Ее удерживал только один край. Слабого движения кабеля оказалось достаточно, чтобы пластина отделилась. Темная масса начала медленно поворачиваться прямо перед пилотом.

— Манс, сверху! — крикнула Настя.

Пилот включил боковую тягу. Его отбросило от корпуса, страховочный трос натянулся, но кабель продолжил двигаться по прежней траектории. Лиан вскинул руку. В вакууме не появилось ни вспышки, ни звука. Пластина просто остановилась в полутора метрах от шлема Манса, дрогнула и поплыла в сторону. Геомантия Лиана перехватила неизвестный сплав так же уверенно, как на Тарисе удерживала бы кусок камня, хотя магу пришлось заметно напрячься,

преодолевая непривычный состав материала. Несколько секунд пилот висел на натянутой страховке.

— Я контролировал ситуацию, — произнес он.

— Разумеется, — ответил Лиан. — Поэтому я не вмешивался. Пластина изменила направление самостоятельно.

— Начинаешь понимать человеческое общение.

— Таар-Ил обучает.

Молодой Саа, оставшийся в рубке, передал в связь сухое отрицание. Арес заметил, что ответственность за развитие Манса никто добровольно не примет, и спор закончился ровно настолько, насколько мог закончиться любой спор с пилотом. Впадина оказалась закрыта несколькими слоями брони. Внешний удар сорвал верхние пластины и обнажил переплетение темных жил, уходивших внутрь корпуса. Настя совместила изображение с внутренней картой и выбрала одну из них. Манс установил преобразователь, закрепил разрывной блок и только после этого позволил Лиану подвести контакт. Ничего не произошло.

— Это хорошо или плохо? — спросил Арес.

— Это значит, что я еще не подал питание, — ответил пилот. — Поэтому пока хорошо.

Он проверил каждое соединение дважды. Затем потребовал от Насти подтвердить выбранную ветвь, от Таар-Ила — отсутствие ментального отклика, от Николаича — показатели людей внутри рубки и только после этого передал внешний пост Лиану. Маг остался возле преобразователя, закрепленный двумя страховочными тросами и готовый вручную разорвать контакт при первом обратном импульсе.

Манс возвращался тем же путем, по которому они протянули питание. Он шел вдоль кабеля короткими включениями маневрового блока, проверял крепления уже с обратной стороны и лишь возле нижнего шлюза позволил себе ускориться. Наружная створка закрылась за ним, камера на несколько секунд заполнилась туманом герметизации, затем пилот снял внешний страховочный карабин и почти бегом направился в кабину. Все это время Лиан оставался на обшивке обломка; его отметка неподвижно горела рядом с преобразователем. К моменту возвращения Манса обязанности оставшихся на борту снова изменились. Пилот подключил костюм напрямую к энергетической системе и занял первое кресло, чтобы одновременно удерживать позицию, управлять реактором и в любой момент отвести «Искатель» от обломка. Настя перенесла карту на центральную сферу, освободила второй пульт под параметры чужой сети и продолжала следить за камерами высадки боковым зрением. Николаич закрыл медицинский отсек в карантинный режим, подготовил очистку скафандров и вывел к шлюзу две автоматические платформы: пока никто не знал, что именно скрывается внутри древнего корабля и чем может закончиться первый физический контакт.

— Если найдете живое существо, ничего не открывайте, не снимайте шлемы и не пытайтесь немедленно его спасать, — предупредил врач. — Сначала покажете мне данные. Героизм, совершенный до проверки совместимости атмосферы и микроорганизмов, в медицинской карте называется совсем иначе.

— Предусмотрительностью? — предположил Арес.

— Посмертной глупостью. Я предпочитаю не заполнять такую графу на всю команду.

Снаружи Лиан положил ладонь на аварийный сброс. Если неизвестная система попытается вернуть заряд в линию, он должен был физически разорвать контакт, не дожидаясь команды с корабля. — Готов, — сообщил Лиан.

— Внутри? — спросил Манс.

Арес проверил оружие. Андрей закрепил ботинки на полу возле центральной панели, а Таар-Ил опустил ладони над интерфейсом, не касаясь его. — Готовы, — ответил Вельский.

— Настя?

— Запись идет по всем каналам. Начни с одной тысячной расчетной мощности.

— Знаю.

— Именно поэтому повторяю.

— Николаич?

— Если сейчас кто-нибудь потеряет сознание, я доберусь до вас и верну его исключительно для того, чтобы высказать свое мнение.

— Медицинская готовность подтверждена, — перевел Манс. — Подаю питание.

На внутренней схеме «Искателя» открылся силовой контур. Энергия прошла через нижний шлюз, вытянулась по кабелю к преобразователю и коснулась мертвого корабля. Сначала рубка не изменилась. Андрей видел растущее напряжение на панели костюма, слышал дыхание Ареса и собственный пульс, который Николаич наверняка уже готовился комментировать. Центральная сфера оставалась черной. Серебристые линии не светились. Интерфейс под руками Таар-Ила молчал. Затем далеко под полом что-то дрогнуло. Вибрация оказалась настолько слабой, что ее уловили только магнитные крепления. Она прошла по залу, отразилась от стен и исчезла. Следом вспыхнула одна из серебристых жил. Свет возник возле входа, побежал к центральным опорам и остановился в нескольких сантиметрах от сферы.

— Нагрузка стабильна, — сказала Настя. — Потерь больше расчетных на восемь процентов.

— Для неизвестного корабля почти комплимент, — ответил Манс. — Поднимаю до трех тысячных.

Новые линии ожили одна за другой. Они не горели постоянным светом, а передавали короткие импульсы, будто корабль проверял собственные нервы и пытался вспомнить, какие части тела еще способны ответить. По стенам прошли тонкие волны. Темные пластины на панелях изменили угол, повернулись к центру и открыли спрятанные под ними прозрачные слои. Черная сфера внутри колец стала глубже. Андрей не нашел другого слова. Ее поверхность не просветлела, но перестала казаться материальной. Внутри возникли едва различимые точки, соединенные тонкими линиями, и на мгновение Вельскому показалось, что он смотрит не на экран, а в пространство, где звезды расположены слишком близко друг к другу. Таар-Ил резко вдохнул.

— Что чувствуешь? — спросил Андрей.

В общую связь пришел шум. Не звук, а множество слабых прикосновений, похожих на дождь по поверхности воды. Они возникали и исчезали прежде, чем молодой Саа успевал различить источник.

— Система думает? — спросил Арес.

— Нет.

Таар-Ил коснулся панели. Темные точки под его пальцами вспыхнули, и шум стал сильнее. — Она помнит, — произнес он.

Слова заставили Андрея посмотреть на сферу иначе. Перед ними могла быть не карта и не изображение внешнего пространства. Линии соединяли слишком много точек, часть исчезала, новые появлялись на их месте, а кольца вокруг медленно поворачивались, хотя ни один видимый механизм не пришел в движение. — Настя, ты это получаешь?

— Все четыре потока. Интерфейс передает данные в окружающее поле. Обычного сигнала почти нет, но адаптер Таар-Ила начал считывать изменения. Не трогайте ничего еще.

— Полезный совет для момента, когда всё уже включилось, — заметил Арес.

Манс поднял мощность еще на одну ступень. В рубке появилась гравитация. Она пришла коротким рывком, неправильно выбрала направление и тут же исчезла. Андрея дернуло в сторону центральной сферы, крепления удержали его на месте; Арес ударился плечом о стену, а Таар-Ил повис на вытянутых руках над панелью. Через секунду поле вернулось, теперь прижимая их к выгнутому полу с силой примерно в одну десятую земной.

— Всем целы? — спросил Андрей.

— Да, — ответил Арес, выпрямляясь. — Но если корабль еще раз решит, что стена находится снизу, предупреждай заранее.

— Это не я.

— Тогда выговор получит корабль.

Николаич проверил показатели и потребовал от Манса не увеличивать мощность. Пилот на этот раз не спорил. По его данным, неизвестная сеть уже брала больше энергии, чем должна была потреблять одна рубка, и продолжала медленно наращивать нагрузку. — Настя, часть питания уходит дальше, — сказал он. — Твоя отдельная ветвь оказалась не такой отдельной.

— Вижу. Но пока в пределах допуска. Система запускает сканеры.

На карте появились первые новые линии. До этого Крылова строила внутреннюю структуру по отражениям внешнего сигнала, заполняя непроницаемые участки предположениями. Теперь сам корабль начал показывать себя. От рубки в разные стороны расходились каналы, соединявшие сотни отсеков. Одни были разрушены, другие отрезаны вместе с исчезнувшими частями корпуса, третьи сохраняли целостность. Карта росла так быстро, что Настя перестала комментировать изменения. Ее терминалы обрабатывали чужие данные, искали повторяющиеся обозначения и накладывали их на уже пройденный маршрут. Размер фрагмента перестал быть предположением. Он оказался еще больше. Рубка находилась не в центре и не возле внешней обшивки первоначального корабля. Она управляла лишь одним сектором — небольшим по меркам создателей участком, который сам мог считаться отдельным судном. За его пределами тянулись другие управляющие узлы, жилые пространства, пустые шахты и магистрали, обрывавшиеся у краев катастрофического разлома.

— Если это часть корабля, — негромко сказал Арес, глядя на карту, — сколько существ в нем летело?

— Мы не знаем, что эти отсеки предназначались для экипажа, — ответила Настя. — И пока не знаем, был ли это вообще корабль в нашем понимании.

— Он двигался между звездами, — произнес Андрей.

— Станция «Сиар'Ваал» тоже могла двигаться до того, как оказалась возле Тариса. Размер ничего не объясняет.

Таар-Ил не участвовал в разговоре. Его пальцы оставались на панели, глаза закрылись, а отростки вдоль головы прижались к шее. Через него интерфейс продолжал передавать образы, слишком быстрые и неполные для человеческого сознания. Андрей видел отдельные вспышки: протяженные пространства, движение светлых точек, изгиб огромной конструкции и темноту, возникшую там, где прежде что-то существовало. Потом среди образов появилось присутствие. Таар-Ил отдернул руки. Связь оборвалась так резко, что Андрей на мгновение потерял равновесие.

— Оно вернулось?

Молодой Саа открыл глаза. — Не одно.

На общем канале вспыхнул сигнал Насти. — Я нашла помещение.

Карта развернулась над панелью костюма. В глубине обломка, на расстоянии почти двух километров от рубки, загорелся крупный овальный отсек. Он занимал несколько уровней и был окружен сетью автономных контуров, большая часть которых по-прежнему не получала питания. Внутри горели отметки. Их было не десять и не сто. Настя уменьшила масштаб, и точки продолжили заполнять пространство ровными рядами. Несколько тысяч слабых сигнатур располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, не перемещались и почти не различались по показателям.

— Это живые? — спросил Андрей.

Крылова не ответила сразу. — Сканер относит их к биологическим объектам. Температура выше окружающей среды, есть внутренний обмен и слабая электрическая активность. Но данные неполные. Я не могу определить вид, размер или состояние.

Николаич подключился к необработанному потоку. Несколько секунд в канале слышалось только его дыхание. — Если перевод верен, обмен веществ почти остановлен, — сказал врач. — Все показатели удерживаются на одном уровне. Так не бывает у бодрствующего организма. Даже во сне частота меняется, а здесь разница между сигнатурами меньше погрешности сканера.

— Стазис? — спросил Арес.

— Возможно. Или система показывает нам не самих существ, а одинаковые контейнеры вокруг них. Пока не увижу — не скажу.

— Они все живы?

— Я сказал: пока не увижу.

В голосе врача появилась резкость, за которой всегда скрывалось беспокойство. Он уже перестраивал карантинный контур под неизвестную биологию, освобождал медицинские ложа и одновременно требовал у Насти отдельный канал для непрерывной передачи показателей. Крылова без спора выделила ему поток, после чего начала прокладывать к найденному помещению маршрут для разведывательного аппарата. Манс вывел на пилотскую панель коридор экстренного отхода и развернул «Искатель» носом от обломка, не прекращая подачу энергии. Несколько тысяч существ могли провести в неподвижности годы, столетия или все время с момента прохождения корабля через Излом. Если хотя бы часть оставалась разумной, экипаж только что обнаружил не обломок, а потерянный народ. Таар-Ил медленно приблизил ладонь к интерфейсу, но не коснулся.

— Мысль пришла оттуда, — сказал он.

— Одна из них проснулась? — спросил Андрей.

— Не знаю.

На этот раз молодой Саа не дополнил ответ образом. Его собственные чувства мешали общей связи: интерес, тревога и непривычный страх ошибиться переплетались так тесно, что он закрыл разум, не позволяя им перейти к остальным. Андрей смотрел на тысячи неподвижных отметок. Цель миссии впервые получила координаты. До помещения вели три маршрута. Самый короткий проходил через поврежденную магистраль, второй пересекал несколько обесточенных уровней, третий огибал центральную шахту и занимал больше часа. Арес уже изучал узкие места, Настя проверяла целостность дверей, а Николаич перечислял оборудование, которое следовало взять, прежде чем приближаться к неизвестным формам жизни. Манс прервал их.

— У меня растет нагрузка.

На схеме питания желтые показатели начали один за другим становиться красными.

— Насколько быстро? — спросил Андрей.

— Быстрее, чем мне нравится. Рубка берет прежнее, сканеры тоже. Еще один контур включился сам и не отвечает на ограничитель.

Настя свернула карту живых сигнатур и открыла распределение энергии. Тонкая линия уходила от центрального узла в противоположную сторону. По пути она разделялась, пробуждала небольшие участки и двигалась дальше, словно корабль запускал заранее установленную последовательность. — Это локальная автоматика, — сказала Крылова. — Она получила питание вместе со сканерами.

— Отключай, — потребовал Манс.

— Не могу. У меня только чтение.

Андрей посмотрел на Таар-Ила. Молодой Саа снова коснулся панели. Темные точки вспыхнули под пальцами, ментальный импульс ушел в систему и вернулся ощущением закрытого прохода. Корабль видел его. Возможно, даже понимал. Но не признавал существом, имеющим право отдавать команды. По периметру рубки открылись узкие ниши. Арес развернулся к ближайшей, вскинув карабин. Внутри ничего не было. Из темного углубления выдвину-

лась небольшая сфера, прошла по стене лучом и остановилась на фигуре десантника. Костюм немедленно сообщил о внешнем сканировании.

— Контакт, — сказал Арес.

Сфера перевела луч на Андрея, затем на Таар-Ила. Возле каждого изображения на центральной панели появились незнакомые знаки. Они мигнули один раз и окрасились темным багровым цветом.

— Мне не нравится перевод, — произнес Андрей.

— Перевода нет, — ответила Настя. — Но значение, думаю, мы поняли одинаково.

Где-то за пределами зала ожили механизмы. Через пол прошла новая вибрация. На карте один за другим вспыхнули маркеры, которых прежде не существовало. Они появлялись в боковых отсеках, выстраивались группами и начинали движение по направлению к рубке. Пять. Двенадцать. Двадцать один. Система продолжала считать. — Манс, готовься обесточить линию, — приказал Андрей.

— Уже. Но если сниму питание, у вас погаснет карта и могут закрыться все проходы.

— Лиан, возвращайся внутрь.

— Потребуется не меньше десяти минут, — ответил маг с внешней обшивки.

Арес шагнул к входу и отключил магнитные крепления, проверяя свободу движения. Парные энергетические клинки Дома лежали в креплениях на бедрах, карабин был заряжен, пистолет находился под правой рукой, а броня уже переводила усилители в боевой режим.

— Настя, что к нам идет?

— Не знаю. Сигнатуры не биологические. Размер меняется, будто они перестраиваются во время движения. И они используют сервисные коридоры, которых не было на нашей карте.

Первый маршрут к выходу погас. Второй перекрыла закрывшаяся переборка. По стенам рубки прошла багровая волна. Центральная сфера свернула карту и заполнилась изображением трех чужих фигур, стоявших возле панели. Теперь корабль не просто видел нарушителей. Он определил их местоположение и передавал его тем, кто спешил сюда. Таар-Ил встал рядом с Андреем. В общую связь вернулось его поле — напряженное, собранное и уже не похожее на осторожное прикосновение ученика. За спиной Ареса вход начал медленно сужаться.

— Командир, — сказала Настя.

Ее голос оставался ровным, но Андрей услышал, как быстро она дышит. — Ближайшие отметки в двух коридорах от вас. Они идут со всех сторон.

Арес передернул затвор. Андрей поднял руку, ощущая знакомое напряжение силы, и посмотрел в темноту за закрывающимся проходом. Мертвый корабль наконец проснулся. И первым делом отправил охрану встречать незваных гостей.

Глава 1. Помощь умирающему

Луч прошел в нескольких сантиметрах от шлема Андрея и врезался в край черного кольца, за которым они укрывались последние полминуты. Неизвестный сплав вспыхнул багровым, по его поверхности побежали вязкие капли, однако Арес уже сместился в сторону, вновь закрывая командира собственным корпусом. Карабин бесполезно висел у него за спиной: последний магазин опустел еще в первом коридоре, когда охранные сферы попытались зажать группу между двумя закрывающимися переборками. Теперь десантник стрелял из энергетического пистолета Саа, короткими двойными импульсами срезая темные пластины с ближайшей машины, и индикатор на его предплечье показывал сорок семь процентов заряда. Для оружия, с которым Саркисян вошел в бой меньше четверти часа назад, это было слишком мало. Для боя, конца которому никто пока не видел, — почти ничего.

Охранная сфера метнулась за одну из вертикальных конструкций и развернулась там, где человеческий солдат не смог бы удержаться без опоры. Небольшой шар размером с голову Ареса состоял из десятков подвижных сегментов, способных раскрываться, менять положение и собирать из собственного корпуса то оружие, которое требовалось в данный момент. Сейчас три пластины вытянулись вперед, образовали узкое ребро и выпустили еще один белый луч. Арес успел наклониться, но не отступил, дождался короткой паузы между импульсами и выстрелил в раскрывшийся центр. Пистолет Саа оставил на гладкой поверхности фиолетовое пятно, второй заряд углубил его, а третий пробил оболочку. Сфера дернулась, ударилась о потолок и распалась на отдельные части, которые еще несколько секунд продолжали поворачиваться к людям, будто даже после уничтожения пытались закончить последнюю команду.

— Один готов, — сообщил Арес, перемещаясь к следующему укрытию. — Осталось неопределенное количество его родственников.

— Двадцать девять сигнатур в пределах зала и двух соседних коридоров, — немедленно уточнила Настя. На тактической схеме в левом углу шлема вспыхнули красные точки, и почти половина из них двигалась по направлениям, которых на составленной людьми карте прежде не существовало. — Еще семь стоят дальше. Возможно, ждут. Возможно, система пока не решила, с какой стороны удобнее нас убивать.

— Значит, родственников много, — заключил десантник. — Командир, вправо. Здесь укрытие больше не считается укрытием.

Андрей не стал спорить. Он оттолкнулся от пола, на мгновение отключил магнитные крепления и перелетел к соседней опоре прежде, чем расплавленное кольцо окончательно потеряло форму. Защитные пластины древнего костюма плотно облегали тело, реагировали на направление движения раньше мышц и помогали удержать равновесие при приземлении, однако сражаться вместо владельца броня пока не научилась. Перед глазами одновременно висели предупреждения о перегреве внешнего слоя, частоте пульса и расходе энергии, рядом мигала непонятная руна, которую Андрей видел впервые. Он смахнул ее в сторону усилием мысли, поднял старый земной пистолет и дважды выстрелил в сферу, показавшуюся над центральной панелью.

В вакууме не было звука, и костюм заменил его короткими сухими хлопками, чтобы отдача не казалась движением без причины. Первая пуля ударила в защитный сегмент и отскочила, вторая попала между пластинами, развернула машину и заставила уйти с линии огня. Пистолет принадлежал Левину. Перед первым вылетом тот протянул оружие рукоятью вперед, сообщил, что командир без табельного пистолета выглядит подозрительно мирным, и потребовал вернуть его лично, без новых историй о залоге в чужих питейных заведениях. Андрей тогда ответил, что урок усвоен. Сейчас в магазине оставалось девять патронов, запасной лежал

в креплении на бедре, и каждое нажатие на спуск превращало обещание вернуть оружие в задачу, которую становилось все труднее выполнить.

С противоположной стороны зала работал Лиан. Маг успел вернуться с внешней обшивки уже после того, как Манс аварийно разорвал силовую линию, и первые минуты боя потратил на дорогу к остальным, пробираясь через закрывающиеся проходы быстрее, чем Настя успевала перестраивать маршрут. Теперь он держался возле основания центральной сферы и сочетал боевые приемы так, как не стал бы действовать ни один обычный стрелок. Оружие в его руках лишь отдаленно напоминало винтовку: длинный темный корпус не имел магазина, вдоль ствола проходили тонкие кристаллические вставки, а каждый выстрел забирал заряд из накопителя на поясе. Лиан отмечал цель коротким движением пальцев, и та либо вспыхивала бело-синим огнем, способным несколько мгновений существовать без воздуха за счет силы самого мага, либо внезапно срывалась с выбранной позиции и вылетала из-за укрытия, попадая прямо под ускоренный снаряд. Иногда заклинание не уничтожало сферу, но заставляло раскрыть защитные пластины; иногда пуля только отвлекала, пока невидимое давление сминало внутренние соединения. В его действиях не было красоты показательного боя, которую Андрей видел у людей Магократии на тренировках. Каждая грань таланта выполняла небольшую часть общей работы, а результатом становилась очередная машина, потерявшая способность убивать.

— Левый проход, — предупредил Лиан, не повышая голоса. — Три цели. Первая идет ниже пола.

Андрей успел увидеть только две сферы, скользнувшие между колоннами. Третья вынырнула из открывшейся ниши у самых ног, мгновенно развернула режущее ребро и попыталась пройти вдоль корпуса костюма. Вельский вскинул ладонь. Сила отозвалась тяжелым толчком в висках, машина остановилась в нескольких сантиметрах от его колена, но не замерла: сегменты продолжали двигаться, лезвие дрожало, а внутренний привод сопротивлялся воле человека с холодным постоянством механизма, не знавшего усталости. Андрей не стал пытаться раздавить сферу. Он изменил направление усилия и отбросил ее в сторону Лиана. Маг ждал именно этого; кристаллы вдоль винтовки вспыхнули, снаряд вошел в раскрытый центр и пробил машину насквозь.

— Ты не отбросил ее, а едва не продавил вместе с приводом, — заметил Лиан, уже переводя винтовку на следующую цель. Даже под огнем он говорил тем же тоном, каким вел занятия на «Искателе», и от этого замечание раздражало сильнее: маг действительно видел ошибку, а не искал повод поучать. — Еще два таких движения, и прежде, чем машина доберется до твоей ноги, ты сам перестанешь ее чувствовать.

— В следующий раз объясни это сфере заранее, — выдохнул Андрей. Он хотел добавить что-нибудь еще, но Арес выпустил два заряда над его плечом, загнал новую цель за колонну и оборвал спор прежде, чем тот начал мешать делу.

— Лиан прав, командир. Здесь слишком много желающих проверить, насколько тебя хватит. Отклоняй то, что можно отклонить, а уничтожение оставь тем, у кого от него хотя бы не идет кровь носом.

Таар-Ил не участвовал в перестрелке. Молодой Саа стоял у панели, к которой прикоснулся перед пробуждением охранной сети, и держал обе ладони над россыпью темных точек. Прямая связь с интерфейсом исчезла после первого удара системы, однако он раз за разом возвращался к ней, осторожно проникая в работу корабля через те функции, которые уже успел почувствовать. Его тело оставалось неподвижным, только серо-зеленые отростки у висков прижимались к шлему, а пальцы едва заметно меняли положение вслед за импульсами, проходившими под поверхностью панели. В общей связи появлялись обрывки чужой структуры: закрывающийся проход, направление движения, распознанная угроза, разрешение на уничтожение.

Корабль не говорил и не мыслил так, как живое существо, но его системы связывали действие с образом достаточно последовательно, чтобы психоник начал различать простейшие намерения.

— Таар-Ил, нам нужен выход, — напомнил Андрей, пригнувшись за опорой, когда сразу четыре луча пересекли пространство над головой. — Любой проход, который не ведет к остальным защитникам.

Ответом стало ощущение множества течений, запертых за тонкими заслонками. Молодой Саа пытался выбрать одно, но корабль воспринимал людей не отдельными существами, а единым вторжением, которое следовало окружить, разделить и уничтожить. В каждом открытом пути уже существовала встречная команда охранной сети. Таар-Ил коснулся панели, отдернул руки, затем прикоснулся снова, принимая на себя короткий удар чужой воли.

— Он не понимает выхода, — произнес молодой Саа. — Понимает направление угрозы. Перемещение угрозы. Изоляцию угрозы.

— Для древней цивилизации у него очень ограниченный словарный запас, — заметил Манс. Пилот находился на «Искателе» и больше не мог влиять на происходящее напрямую. Три минуты назад он снял внешнее питание, рассчитывая погасить разбуженный узел, но охранная сеть успела открыть собственные накопители.

Рубка потемнела лишь на мгновение, после чего багровые линии вспыхнули вновь, а ближайшая переборка закрылась быстрее прежнего. — Могу дать повторный импульс и попробовать перегрузить местную сеть. Только заранее предупреждаю: если не получится, вы получите еще больше энергии, еще более злую автоматику и официальный повод обвинить пилота.

— Не подавай ничего, — одновременно ответили Настя и Лиан.

— Я предлагал как технический специалист, а не потому, что мне нравится вариант со взрывом.

— Твоя сердечная активность говорит обратное, — сообщил Николаич.

Врач следил за группой из медицинского отсека, но его голос появлялся в канале чаще выстрелов Андрея. — Арес, температура под правой наплечной пластиной растет. Андрей, пульс сто пятьдесят восемь. Лиан, твой накопитель нагрелся выше нормы, которую ты сам внес в мою систему перед вылетом. Если кто-нибудь из вас сейчас скажет, что чувствует себя нормально, я внесу в журнал массовое помрачение рассудка.

— Чувствуем себя занятыми, — ответил Арес.

— Это единственный диагноз, который я готов подтвердить без осмотра.

Сфера выскочила из-за опоры справа, выпустила короткий веер тонких импульсов и заставила людей снова сменить позицию. Они двигались по залу уже в четвертый раз, каждый раз оставляя за собой укрытия, которые охранная сеть успевала прострелить, расплавить или обойти через ниши в стенах. Конструкции, прежде казавшиеся неподвижными рабочими местами, теперь поворачивались, опускались и открывали внутренние каналы для защитников. Корабль перестраивал собственную рубку против вторжения, не заботясь о сохранности оборудования: часть вертикальных рам ушла в пол, центральные кольца сместились и разделили пространство на три сектора, а над дальней стеной раскрылась полоса темных отверстий. Настя немедленно отметила новые пути красным, но карта устаревала быстрее, чем Крылова успевала называть изменения.

Андрей выстрелил по ближайшему отверстию, не пытаясь попасть в появившуюся там сферу, а заставляя ее задержаться. Лиан добавил короткую вспышку, Арес прошел вперед и занял новую позицию за низкой панелью. Команда двигалась не так слаженно, как гвардейские пятерки Дома Дальних Течений, которых Андрей видел в Новом Гелиосе, но за неделю полетов успела выработать собственный порядок. Арес первым выбирал укрытие и принимал огонь. Лиан перекрывал дальние направления. Андрей держался между ними, останавливал то, что проходило через стрельбу, и старался не расходовать силу там, где хватало обычного оружия. Таар-Ил перемещался последним, не разрывая связь с кораблем дольше, чем на

несколько секунд. Остальные трое оставались на «Искателе», но их голоса, метки и предупреждения делали границу между высадкой и кораблем почти условной.

Почти. Когда луч ударил в место, где еще мгновение назад находилась голова Манса на изображении с наружной камеры, пилот не мог пригнуться вместе с ними. Когда у Ареса снизился заряд, Настя не могла передать ему новый накопитель через карту. Когда Андрей почувствовал знакомую тяжесть за глазами и понял, что следующая попытка удержать две цели одновременно обойдется дороже предыдущей, Николаич мог только увидеть изменения в показателях и потребовать остановиться. Семь человек действовали вместе, однако умереть в этой рубке могли четверо, и древняя система с каждым новым маневром напоминала об этом все убедительнее.

— Нашел, — произнес Таар-Ил.

Слово прозвучало тихо, но все трое людей мгновенно сосредоточились на молодом Саа. Под его пальцами горела группа точек, которых прежде не было, а на общей карте один из боковых проходов изменил цвет с багрового на белый. Затем открылся второй, находившийся дальше, за двумя переборками, и третий — почти у внешнего края рубки. Таар-Ил не получил управление в человеческом смысле. Он нашел образ, который корабль готов был принять: угроза перемещается по указанному направлению, системы должны освободить ей путь и направить охрану следом.

— Я могу открыть проходы, — пояснил он. — Система считает это частью изоляции. Если цель войдет, остальные защитники изменят маршрут.

— Насколько надолго? — спросила Настя.

— Пока цель движется.

Крылова развернула новую схему. Белая линия прошла от рубки по узкому сервисному коридору, пересекла две крупных шахты, обогнула поврежденный сектор и закончилась возле внешней обшивки. Если охранные сферы последуют туда, у остальных появится возможность уйти через противоположный проход и вернуться к маякам высадки. Система безопасности продолжит считать группу единым вторжением, но ей придется распределить силы между движущейся целью и теми, кто останется возле рубки. На экране план выглядел чисто. В реальном корабле между его началом и концом находились семьсот метров неизвестных коридоров, меняющиеся переборки и несколько десятков машин, каждая из которых могла пробить человеческий скафандр.

— Нужен тот, кого они увидят, — сказал Арес.

— Нужен автоматический маяк, — возразила Настя. — У нас четыре запасных. Выставляем на максимальную мощность, запускаем по направляющей и закрываем проход после него.

— Корабль распознает маяк как оборудование. Он отмечает живых и тех, кто применяет оружие, — ответил Таар-Ил. — Для охраны это не угроза.

Арес проверил заряд пистолета, машинально провел рукой по пустому креплению запасного накопителя и вернул оружие в боевое положение. Затем снял с карабина последний бесполезный магазин, отбросил его и проверил энергетические клинки. Андрей наблюдал за движениями десантника и уже знал, какое решение тот принял. Возражение возникло раньше, чем Арес успел произнести первое слово.

— Нет.

— Командир, другого варианта Таар-Ил не нашел.

— Значит, ищем дальше. Мы не отправим одного человека через семьсот метров корабля, который пытается нас убить.

Арес посмотрел на три открытых маршрута, затем на красные отметки, стягивавшиеся к их сектору. За спокойствием его голоса не было ни желания показать храбрость, ни привычной горячности. Десантник оценивал задачу так же, как оценивал простреливаемую улицу в Новом

Гелиосе: кто должен двигаться, кто прикрывает, сколько времени остается и какое решение дает группе наибольший шанс вернуться.

— Если пойдем все, они продолжат окружать нас. Если останемся, через несколько минут у меня закончится батарея, у тебя — патроны и силы, а Лиан перегреет накопитель. Таар-Ил не сможет одновременно держать двери и защищаться. Один человек может увести их. Из четырех я лучше всех двигаюсь в броне, знаю, как работать в незнакомом помещении, и единственный не нужен для управления, магии или связи с кораблем. Это не жертва. Это моя работа.

— Твоя работа — охранять меня, а не доказывать системе безопасности, что она недостаточно старается.

— Именно поэтому я предлагаю способ вывести тебя отсюда, — ответил Арес.

Он на мгновение задержал взгляд на Андрее и добавил уже мягче: — Я обещал больше не оставлять тебя одного. Ты не один. Рядом Лиан и Таар-Ил, на связи весь корабль. Сейчас ты защищен лучше, чем в тот день, когда я дал это обещание. Позволь мне выполнить остальную часть моей работы.

Левин однажды сказал Андрею, что командование особенно неприятно в тот момент, когда разумный довод подчиненного хочется запретить только потому, что цена кажется слишком высокой. Тогда Вельский решил, что наставник снова пытается заранее испортить ему неизвестное будущее. Теперь перед глазами мигали красные отметки, Арес ждал приказа, а внутри все требовало не искать лучший план, а просто удержать человека рядом, где его можно видеть.

— Настя, веди его, — произнес Андрей. — Таар-Ил открывает проходы. Лиан и я прикрываем до первой переборки. Арес, если маршрут меняется или ты теряешь связь, сразу возвращаешься. Никаких попыток закончить задачу в одиночку.

— Принял.

— Я еще не закончил. Не геройствуешь, не проверяешь броню на прочность и не решаешь, что рана недостаточно серьезная, пока Николаич не подтвердит это лично.

— Теперь закончил?

— Нет. Вернись.

Саркисян медленно кивнул. На его шлеме не было видно лица, но по общей связи прошла короткая уверенность человека, который не собирался нарушать последний приказ. Он шагнул к краю укрытия, дождался, пока Лиан подожжет защитные пластины ближайшей сферы, и выскочил в открытое пространство. Энергетический пистолет выпустил длинную серию. Фиолетовые заряды ударили по трем машинам, не пробили ни одну, но заставили их одновременно развернуться. Арес пробежал под перекрестными лучами, оттолкнулся от центрального кольца и влетел в белый проход за мгновение до того, как Таар-Ил начал закрывать переборку.

Охранная сеть отреагировала быстрее, чем рассчитывала Настя. Красные метки в рубке дрогнули, половина сразу изменила направление, а из скрытых ниш впереди появились еще восемь. Корабль не просто увидел новую цель. Он решил, что один нарушитель пытается прорваться к важному сектору, и отправил за ним все, что находилось ближе. Несколько сфер прошли через закрывающуюся переборку, сжавшись до размеров, позволявших проскользнуть в оставшуюся щель. Остальные ушли по боковым каналам. В рубке стало свободнее, однако чувство облегчения не пришло: на схеме одна синяя отметка быстро удалялась от трех других, окруженная растущим красным потоком.

— Первый поворот через двадцать метров, затем вниз по шахте, — говорила Настя.

Теперь в ее голосе не было ни сухой иронии, ни привычной ровности координатора; слова шли быстро, но каждое оставалось точным. — Не используй центральную направляющую, она активна. Справа будет ниша, за ней проход. Таар-Ил открывает через три… две… одну. Сейчас!

Камера Ареса показывала коридор рывками. Темные стены приближались, уходили в стороны, вращались вместе с телом, когда десантник отключал магнитные подошвы и использовал маневровые сопла. Позади вспыхивали белые лучи. Один прошел вдоль его ноги и оставил на броне светящуюся полосу, другой ударил в стену перед лицом, выбив облако расплавленных капель. Арес не отвечал огнем без необходимости. Он берег заряд, стрелял только по тем сферам, которые пытались обойти, и несколько раз разворачивался прямо в полете, чтобы заставить охрану сохранить интерес к цели.

— За тобой ушли четырнадцать, — сообщил Таар-Ил. В сухой констатации слышалось почти человеческое беспокойство: число оказалось вдвое больше расчетного.

Арес ушел от очередного луча и на секунду прижался к изгибу стены, позволяя перегретому костюму отвести хотя бы часть жара. — Четырнадцать переживу. Ты только не теряй двери и заранее скажи, если корабль решит добавить мне компанию. Сюрпризов на сегодня уже достаточно.

Манс что-то ответил о профессиональной необходимости уважать пилотов, однако Андрей почти не слышал. Вместе с Лианом он отходил к противоположному проходу, удерживая несколько сфер, оставшихся в рубке. Сила позволяла замедлить одну машину, иногда две, но каждое воздействие требовало сосредоточения, которого не хватало среди выстрелов, меняющейся карты и синей отметки, уходившей все дальше. Он ловил сферу в невидимую хватку, смещал ее прицел на долю градуса, заставлял луч пройти мимо — и сразу отпускал, прежде чем напряжение становилось болью. Лиан работал рядом, прикрывал его короткими вспышками и время от времени касался плеча, возвращая внимание к ближайшей угрозе.

— Андрей, на меня, — потребовал Лиан, когда тот в третий раз повернул голову к удаляющейся отметке Ареса. — Саркисян увел охрану не для того, чтобы ты погиб, наблюдая за ним. Я держу левый сектор, ты — правый. Остальное сейчас ведет Крылова.

Вельский заставил себя убрать чужую метку из центра зрения. Это оказалось почти физически трудно: командирский приказ отправил Ареса одного, а тело требовало хотя бы смотреть, чем тот за него расплачивается. — Правый принял.

Сфера вылетела из-под опоры, подтверждая слова учителя. Лиан выстрелил раньше Андрея, но снаряд только развернул машину. Вельский поднял ладонь и толкнул ее в открытый канал стены. Таар-Ил немедленно закрыл нишу. Металл сомкнулся вокруг сферы, багровый луч прошел сквозь щель и погас. Корабль потерял еще одного защитника, однако на схеме продолжали появляться новые сигнатуры.

— Вторая переборка открыта, — сказал молодой Саа. — Проход для нас закроется через двенадцать секунд.

Андрей, Лиан и Таар-Ил покинули рубку. За спиной сходились темные створки, перед ними тянулся коридор, который Настя считала ближайшим путем к внешнему маршруту. Они должны были уходить в противоположную от Ареса сторону, заставляя охранную сеть окончательно разделить цели, но уже через несколько секунд стало ясно, что план перестал соответствовать реальности. Синяя отметка десантника миновала первый поворот, прошла шахту и вместо выхода к внешней обшивке ушла влево. Белая линия маршрута погасла перед ним, новая появилась значительно глубже, возле того сектора, где Настя обнаружила неподвижные живые сигнатуры.

— Арес, ты пропустил поворот, — сказала Крылова.

— Поворот закрылся у меня перед лицом. Таар-Ил?

Молодой Саа прикоснулся к стене. Через его поле прошел ответ корабля: угроза меняет направление; изоляция должна вести ее туда, где сходятся защитные контуры. Он открыл одну переборку, но система закрыла две другие. Таар-Ил больше не управлял маршрутом. Он только спорил с автоматикой за отдельные двери, и корабль выигрывал спор быстрее, чем Саа успевал понять новые правила.

— Он ведет тебя в центральный сектор, — произнес Таар-Ил. — Я не выбирал путь.

— Настя, другой выход.

— Ищу. Впереди развилка через сто сорок метров. Правый проход уходит к помещению с сигнатурами, левый возвращается к внешнему кольцу. Левый закрыт, но рядом есть управляющий узел. Если Таар-Ил получит к нему доступ…

Белая вспышка заполнила изображение с камеры Ареса. Канал дернулся и на мгновение исчез. Андрей остановился так резко, что Лиан врезался в его плечо. Синяя отметка на карте осталась, медицинские показатели тоже не погасли, но температура костюма десантника подскочила сразу на нескольких участках.

— Арес! — позвал Андрей.

— Жив. Правый бок. Луч прошел по касательной, — ответил Арес, тяжело дыша.

— Он не прошел по касательной, — отрезал Николаич. — Внешняя пластина повреждена, теплоизоляция не работает, температура кожи растет. Прекрати движение и включи аварийное охлаждение.

— Если прекращу, у тебя появится значительно больше данных о повреждениях.

Камера восстановилась. Арес прижимался к стене в узкой нише. Правая сторона брони от плеча до бедра почернела, часть чешуйчатых пластин оплавилась и срослась между собой. Под ними мигали линии аварийного контура. Десантник активировал охлаждение, но восстановительная система могла отвести только часть тепла; остальное уже прошло внутрь. По его показателям Андрей видел сильный ожог, не зная глубины, и это незнание оказалось хуже любого медицинского термина.

— Арес, задача снята. Возвращайся к группе, — приказал Андрей, хотя сам уже видел на схеме двенадцать сфер, закрывших обратный путь.

Десантник ответил не сразу. Камера дернулась, показывая шесть целей впереди и темную переборку за ними. — Прямой возврат отрезан. Если развернусь, они прижмут меня к нише и закончат разговор. Иду через правую развилку к живым сигнатурам; вы пересечете мой маршрут с другой стороны. Не спорю с приказом, командир. Выбираю единственный способ его выполнить.

Андрею хотелось потребовать невозможного еще раз, только чтобы не признавать вслух: сейчас Арес действительно понимал свое положение лучше него. — Принял. Не геройствуй и держи медицинский канал открытым. Мы прорежем к тебе путь.

— Вот это уже похоже на план.

Арес выскочил из ниши прежде, чем Андрей нашел ответ. Он двигался хуже. Правая рука при каждом толчке запаздывала, корпус оставался слегка повернутым, защищая обожженную сторону от новых попаданий, однако скорость почти не снизилась. Десантник выпустил два заряда по ближайшей сфере, рубанул энергетическим клинком вторую, когда та подошла слишком близко, и направился к правому проходу. Система охраны последовала за ним.

— Он идет к помещению с живыми сигнатурами, — сказала Настя. — Андрей, другого пути у него нет. Ваш маршрут пересекается с его через четыреста метров. Если Таар-Ил сможет открыть три внутренние переборки, вы выйдете к залу с противоположной стороны.

— Открываю, — ответил молодой Саа.

На этот раз в его голосе не было сухого спокойствия. Связь с кораблем становилась глубже, а вместе с командами дверей в сознание Саа проникало нечто иное — слабое, едва различимое присутствие, которое он почувствовал еще на «Искателе». Тогда оно напоминало одну мысль, потерявшуюся в огромном мертвом корпусе. Теперь Таар-Ил различал десятки коротких импульсов. Они еще не складывались в слова или образы, но приходили из того же сектора, куда автоматика гнала Ареса.

— Они просыпаются, — произнес он.

— Кто? — спросил Андрей.

Таар-Ил не ответил. На карте одна из тысяч неподвижных отметок изменила яркость. Николаич первым открыл необработанный поток. Показатели оставались настолько слабыми, что человеческий прибор все еще мог принять изменение за погрешность: температура внутри капсулы поднялась меньше чем на десятую долю градуса, электрическая активность возникла только в одном участке неизвестного организма, а обмен веществ по-прежнему находился на границе обнаружения. Затем вспыхнула вторая отметка, за ней третья, и на медицинском канале начали появляться одинаковые предупреждения. Жизнь не возвращалась к ним полностью. Она медленно поднималась с глубины, куда ее погрузили создатели корабля, и пока существовала только в виде первых нервных импульсов.

— Это вывод из анабиоза, — сказал врач. — Или процесс, очень на него похожий. Подача питания запустила пробуждение камер, но система работает частично. Я не вижу контроля температуры, состава среды и половины поддерживающих контуров. Если они действительно живы, их сейчас возвращают в сознание без уверенности, что тела смогут проснуться вместе с ним.

— Можно остановить? — спросил Андрей.

— Снаружи — нет. Таар-Ил должен найти управление на месте. И сначала вам придется дойти туда живыми.

Первая переборка открылась перед ними рывком, словно корабль уступил неохотно и сразу пожалел о решении. За ней оказался сервисный канал, рассчитанный на существ иного строения: овальное пространство сужалось к центру, по стенам тянулись ряды выступов, а привычного пола не было вовсе. Андрей оттолкнулся от края, Лиан последовал за ним, Таар-Ил замкнул движение и сразу закрыл проход за спиной. Две охранные сферы успели проникнуть внутрь прежде, чем створки сошлись. Первая раскрыла режущее ребро, однако маг коротким жестом сорвал ее с траектории и вбил в стену. Вторая ушла от выстрела, развернулась и направила оружие на Саа. Андрей поймал ее уже знакомым усилием, но вместо толчка попытался остановить внутреннее движение сегментов. На мгновение машина замерла, будто потеряла способность решить, какой частью корпуса следует стрелять. Этого хватило Лиану. Снаряд расколол центральный узел, и темные пластины поплыли по каналу рядом с людьми.

— Дальше, — потребовал маг.

Он не стал повторять замечание об излишнем усилии, только задержал взгляд на показателях Андрея и добавил: — У тебя осталось значительно меньше, чем ты считаешь.

Вельский чувствовал это и без предупреждения. Тяжесть в висках больше не уходила после каждого применения силы, пальцы левой руки дрожали, а пространство вокруг время от времени казалось слишком ясным, будто сознание начинало воспринимать не сами предметы, а возможность сдвинуть каждый из них. Раньше подобное состояние предшествовало потере контроля. Теперь Андрей умел замечать границу, однако знание не делало ее дальше. Оно только позволяло понимать, насколько близко он к ней подошел.

— До Ареса триста двадцать метров, — сказала Настя. — Его скорость снижается. Впереди последняя развилка, дальше большой зал. Сигнатуры охраны идут следом и появляются внутри самого помещения. Похоже, там находится отдельный защитный узел.

— Состояние? — спросил Андрей.

Николаич не стал смягчать ответ. Ожог проходил от правого плеча до нижней части спины, костюм удерживал температуру, но поврежденная пластина продолжала отдавать накопленное тепло внутрь. Арес сохранял подвижность благодаря обезболиванию и усилителям брони, а не потому, что ранение позволяло продолжать бой. Еще одно попадание в тот же сектор могло прожечь внутренний слой и нарушить герметичность.

— Он должен остановиться, — закончил врач. — Желательно пять минут назад.

— Слышал? — спросил Андрей.

— Слышал. Нашел зал.

Камера десантника выдала изображение настолько огромного пространства, что система несколько секунд не могла определить расстояние до противоположной стороны. Свет фонаря потерялся среди рядов темных конструкций, уходивших вверх, вниз и в стороны. Арес остановился на узкой площадке, которая когда-то могла служить входом, и впервые за весь бег забыл посмотреть назад. Перед ним находились тысячи капсул.

Они не стояли ровными человеческими рядами. Хранилище было устроено вокруг широкой центральной пустоты, а камеры крепились к стенам несколькими концентрическими поясами, повторяя изгиб корпуса. Одни находились вертикально, другие лежали под углом, третьи висели почти вверх дном относительно направления, которое магнитные подошвы костюма считали полом. Каждая представляла собой вытянутую оболочку из полупрозрачного темного материала, охваченную сетью серебристых опор. Через мутную поверхность угадывались силуэты, но понять строение существ мешали ледяные кристаллы, плотная жидкость и чужая анатомия. У ближайшего тела Андрей различил длинный центральный корпус и несколько сложенных вокруг него конечностей; другое казалось почти круглым; в третьей капсуле темнело что-то настолько большое, что занимало пространство от края до края. Создатели корабля либо перевозили разные виды, либо их собственная форма менялась сильнее, чем у известных людям народов.

Между поясами проходили узкие мосты, подъемные направляющие и толстые линии коммуникаций. Большая часть оборудования не работала. Там, где пробуждение уже началось, по серебристым опорам бежали слабые импульсы, внутри камер поднимались облака жидкости, а на карте Насти одна за другой загорались синие отметки. Центральную пустоту пересекали массивные фермы, некоторые были сломаны, две уходили прямо в разрыв внешней обшивки, закрытый лишь тонким аварийным полем. За ним медленно двигались звезды.

— Настя, ты сказала, что это помещение находится глубже в корпусе, — произнес Арес.

— На внешнем сканировании так и было. Между залом и космосом должно оставаться не меньше восьмидесяти метров конструкций.

— Здесь их нет.

Крылова увеличила поток с камеры, наложила на него наружную модель и поняла ошибку. Часть, которую сканирование принимало за сплошной борт, состояла из вложенных отсеков и пустот. Хранилище располагалось в глубине первоначального корабля, но после разрушения большая часть окружающих секций исчезла. От открытого космоса его отделяли остатки нескольких палуб, поврежденные опоры и аварийные поля, которые никто не проверял, потому что до подачи энергии они не подавали никаких признаков работы.

— Арес, не стреляй в сторону внешней стены, — сказала она. — Вообще не допускай попаданий туда. За капсулами почти ничего нет.

— Поздно предупреждать.

На дальнем конце входной площадки открылись сразу четыре ниши. Сферы вышли из них не по одной, а плотной группой, раскрывая пластины еще до появления в зале. Две направились к Аресу, остальные разошлись по дуге, отрезая путь обратно. Следом в проходе показались машины, которых десантник вел за собой от рубки. Охранная сеть закончила маневр. Она загнала угрозу в сектор, где собственные защитники могли окружить ее со всех сторон, и не учитывала, что любое промахнувшееся оружие теперь будет бить по последнему работающему хранилищу живых существ.

Арес бросился с площадки раньше первого залпа. Магнитные крепления отпустили металл, маневровый блок дал короткий импульс, и десантник пролетел между двумя поясами капсул. Белые лучи прошли следом. Один ударил в пустую опору, второй скользнул по оболочке спящей камеры, оставив на ней светящуюся борозду. Синяя отметка внутри дрогнула, но не погасла. Арес развернулся в полете, выпустил последние заряды из пистолета и заставил ближайшую сферу уйти с линии следующего выстрела.

— Заряд двадцать один процент, правая сторона костюма перегрета, — доложил Арес, прячась за поперечной фермой. На последних словах голос сорвался от боли, но десантник не стал притворяться, будто это помеха связи. — Я удержу вход, пока смогу. Дальше придется встречать их клинками.

Андрей сверил его положение с маршрутом, который Таар-Ил пытался открыть из соседнего сектора. Между ними оставалась одна переборка и десять охранных машин. — Не удерживай точку насмерть. Смещайся по внутренней стороне фермы и береги заряд для тех, кто пройдет вплотную. Через минуту мы ударим им в спину.

— Минуту я вам куплю. Но если задержитесь, следующую встречу назначаю в месте с работающей гравитацией и без древней охраны.

Арес достиг одной из поперечных ферм, включил подошвы и прижался к ее внутренней стороне. Лучи ударили в металл, выбили две расплавленные полосы, но конструкция выдержала. Десантник спрятал почти разряженный пистолет, извлек оба энергетических клинка и дождался первой сферы. Машина обогнула ферму сверху, развернула режущую пластину и пошла прямо на человека. Арес встретил ее боковым ударом. Фиолетовое лезвие прошло через несколько сегментов, сфера потеряла равновесие, а второй клинок вошел в открывшийся центр. Обломки продолжили движение по инерции и ударились о соседнюю капсулу. По оболочке прошла трещина.

— Отметка нестабильна, — сообщил Николаич.

— Вижу.

Арес потянулся к поврежденной камере, словно мог удержать трещину руками, но очередной луч заставил его уйти вниз. Охранные сферы не реагировали на повреждение. Для них капсулы либо больше не считались защищаемыми объектами, либо приказ уничтожить нарушителя имел больший приоритет. Темная жидкость начала выступать из трещины отдельными крупными каплями и тут же замерзать в вакууме. Биологическая сигнатура внутри ослабла.

— Таар-Ил, останови их! — потребовал Андрей.

Молодой Саа попытался. Его сознание вошло в корабельную сеть через ближайший узел, нашло потоки охранных команд и направило в них образ поврежденной камеры. В ответ пришло равнодушное разделение функций. Хранилище отвечало за сохранение. Охрана — за устранение угрозы. Центральная система, способная изменить приоритеты, не отзывалась. Отдельные части корабля продолжали выполнять последние приказы, не понимая, что, спасая мертвый корпус от четырех чужаков, уничтожают тех, ради кого корпус когда-то существовал.

— Они не связаны, — произнес Таар-Ил. — Каждый узел видит только собственную задачу.

— Тогда открой нам зал.

Последняя переборка находилась в нескольких метрах впереди. Таар-Ил приложил обе руки к стене, отправил команду прохода и получил отказ. Система считала сектор изолированным. Саа повторил образ, изменил его, показал охране новую угрозу с противоположной стороны. Панель оставалась темной. Тогда Андрей шагнул к створкам, вложил пистолет в крепление и попытался почувствовать запоры.

Их оказалось восемь. Четыре удерживали физические направляющие, остальные представляли собой плотные участки неизвестного поля. В рубке Андрей открывал дверь постепенно, работая с каждым сопротивлением отдельно. Сейчас за переборкой Арес уходил от выстрелов, капсулы просыпались, а красные метки приближались с их собственной стороны. Времени на точность не осталось.

— Я сорву запоры, — произнес Андрей и уже протянул силу к переборке, когда Лиан перехватил его за запястье.

— Не сорвешь. Потратишь остаток на восемь замков, а за дверью встретишь охрану с пустой головой и дрожащими руками. Мне нужен ученик, который дойдет до боя, а не очень убедительно откроет для нас могилу.

Андрей посмотрел на изображение с камеры Ареса. Десантник двигался между фермами, все реже отвечал охране и уже не скрывал тяжелого дыхания. На медицинской схеме ожог расширялся. Рядом мигала первая поврежденная капсула.

Андрей с трудом разжал пальцы. Отказаться от грубой силы, пока за стеной Арес терял броню и время, оказалось тяжелее, чем применить ее. — Тогда нагрей направляющие. Я ударю только после того, как металл поплывет.

Лиан понял раньше, чем Вельский закончил. Маг закрепил винтовку на спине, положил ладони на створки и закрыл глаза. Кристалл на поясе вспыхнул мягким янтарным светом. В вакууме не могло возникнуть пламя в человеческом смысле, поэтому Лиан не пытался жечь металл снаружи. Он направил силу в сам материал, заставляя внутреннюю структуру нагреваться вдоль выбранной линии. Темная поверхность покраснела, затем стала почти белой. Андрей почувствовал, как механические запоры теряют жесткость, и ударил телекинезом только в тот момент, когда сопротивление ослабло.

Створки не открылись. Они выгнулись внутрь, сорвались с двух направляющих и разошлись достаточно, чтобы между ними прошел человек. Лиан первым протиснулся в щель, поднял винтовку и выстрелил в сферу, уже разворачивавшую оружие к Аресу. Андрей последовал за ним. Таар-Ил задержался на мгновение, сохраняя прикосновение к кораблю, затем вошел последним.

— Вижу вас, — произнес Арес, и одного изменения в его голосе хватило, чтобы Андрей понял, насколько долго десантник не был уверен, что команда успеет. Облегчение прожило меньше секунды; Саркисян уже снова оценивал зал. — Четыре цели держат левый сектор, шесть заходят справа, еще несколько над фермами. Пистолета почти нет, правая рука только изображает участие. Я стяну ближайших на себя, а вы пробивайтесь к Таар-Илу.

— Производитель не обещал, что броню можно подставлять под корабельное оружие, — сказал Николаич. — Лиан, доберись до него. Андрей, не используй силу без необходимости. Таар-Ил, мне нужен доступ к капсулам. Если вы уже разбудили пациентов, хотя бы не дайте им умереть от неправильного выхода.

Слово «пациенты» неожиданно изменило происходящее. До этого тысячи синих точек оставались частью загадки корабля, целью исследования и неизвестным биологическим грузом. Врач назвал их так, как назвал бы людей в госпитале, и за каждой отметкой возникло отдельное существо, которое когда-то легло в капсулу, позволило системе остановить собственное тело и рассчитывало открыть глаза после окончания пути. Никто из них не знал, что корабль разорван, экипаж исчез, а через неизвестное количество лет четверо чужаков принесут в хранилище бой, пытаясь спастись от его же охраны.

Андрей выстрелил в сферу над ближайшей фермой. Пуля оттолкнула ее от линии атаки, Лиан добавил короткий импульс, а Таар-Ил направился к центральному узлу, отмеченному Настей среди нескольких тысяч одинаковых конструкций. Путь занял меньше минуты и показался длиннее всего перехода от рубки. Охранные машины двигались между капсулами, использовали их как препятствия и появлялись с направлений, которые человеческое восприятие продолжало считать верхом или низом. Андрей дважды менял положение магнитных креплений, один раз прошел по вертикальной ферме и едва не потерял оружие, когда искусственная гравитация внезапно включилась поперек зала.

Поле возникло рывком. Все незакрепленное полетело к внешней стене. Обломки сфер, капли замерзшей жидкости и сорванные панели ударили по поясам хранения. Андрей успел прижаться к ферме, Лиан удержался страховочным тросом, Таар-Ил обхватил опору длинными

пальцами. Арес находился в полете. Его бросило боком в ближайшую конструкцию, поврежденная броня приняла удар, и медицинский канал заполнился предупреждениями.

— Отключи поле! — крикнул Андрей.

— Не управляю им.

Таар-Ил добрался до центрального узла, прижал ладони к черной поверхности и попытался найти гравитационную систему среди тысяч одновременно оживших функций. Вместо ответа на него обрушился страх.

Он пришел не одним чувством. Первые проснувшиеся сознания еще не умели различать происходящее, не помнили языка и не понимали, почему холод сменяется болью, но каждое уже воспринимало разрушение собственной камеры, вибрацию ударов и исчезновение соседних сигналов. Корабельная сеть соединяла капсулы для контроля общего состояния. Псионика Таар-Ила превратила техническую связь в мост, по которому к нему хлынули ощущения: теснота, отсутствие движения, возвращающаяся чувствительность, ужас перед невозможностью открыть глаза и уверенность, что за тонкой стенкой существует кто-то, способный помочь.

Молодой Саа согнулся над узлом. Его пальцы не оторвались от поверхности, однако в общей связи вспыхнул образ глубокой темной воды, внезапно заполненной тысячами существ. Они не видели друг друга. Только касались мыслями, сначала случайно, затем все чаще, и каждый новый разум приносил собственную боль. Отдельные импульсы накладывались, искали одинаковое чувство и соединялись вокруг него. Там, где секунду назад существовали сотни испуганных пробуждений, начал формироваться один общий крик.

— Таар-Ил! — позвал Андрей.

Саа поднял голову. Темные глаза были широко раскрыты, дыхание участилось, а по общей связи прошла просьба, не принадлежавшая ему. Она не имела слов. Только образ закрытой капсулы, холодного тела внутри и множества рук, ударяющих в стенки, которые невозможно сломать.

— Они чувствуют нас, — произнес Таар-Ил. — Корабль пробуждает их. Всех.

— Отключи процесс, — потребовал Николаич. — Полный возврат нельзя проводить одновременно. У части камер повреждено питание, у части нет среды, десятки уже выходят за безопасные показатели.

— Они не позволяют искать управление.

— Кто не позволяет?

— Проснувшиеся.

Коллективное сознание еще не стало личностью. В нем не было общего знания, намерения или способности договориться, только тысячи слабых разумов, объединенных одинаковой угрозой. Каждый тянулся к Таар-Илу, потому что ощущал его присутствие в корабельной сети. Каждый требовал обратить внимание именно на свою боль. Молодой Саа пытался отгородиться, сохранить мысли отдельными и продолжать искать управление, но давление росло с каждой новой синей отметкой. Серо-зеленые отростки прижались к шлему, колени подогнулись, и только магнитные крепления удержали его возле узла.

Арес добрался до командира, опираясь на ферму левой рукой. Правая висела ниже, чем обычно, часть брони продолжала дымиться даже в вакууме, испуская тонкий поток испарившегося охлаждающего состава. Он попытался повернуться к ближайшим сферам, но Андрей остановил его и указал на Таар-Ила.

— Закрой его собой. Лиан, охрана.

— А ты?

Ответить Вельский не успел. Гравитационное поле снова изменило направление. Теперь оно потянуло все к широкому разрыву за поясами хранения. Аварийная преграда вспыхнула, стала почти прозрачной и погасла. За ней открылся космос.

Воздуха в зале не было, поэтому наружу ничего не высосало. Капсулы сорвались по другой причине. Корабль медленно вращался, искусственная гравитация на мгновение усилила движение, а поврежденные крепления не выдержали нагрузки. Сначала от внешнего пояса отделилась одна камера. Серебристые опоры лопнули, вытянутая оболочка поплыла к разрыву и, достигнув границы корпуса, продолжила движение по касательной, удаляясь в темноту. За ней сорвались еще три.

— Капсулы теряют питание! — сказала Настя.

На карте первая синяя отметка вышла за контур корабля. Несколько секунд ее сопровождала зеленая рамка, затем температура начала падать, электрическая активность исчезла, и над маркером появились два слова на человеческом языке: «Не выжил». Вторая отметка погасла следом. Третья.

Крепления внешнего пояса разрушались одно за другим. Охранная сфера выпустила луч в сторону Лиана, маг ушел с траектории, и заряд ударил в силовую ферму. Металл разошелся, сразу пять камер накренились и начали медленно сдвигаться к открытому космосу. Арес выстрелил в машину последними зарядами, пистолет погас, но сфера потеряла управление и врезалась в соседнюю опору. По залу прошла новая вибрация.

— Манс, подведи «Искатель» к разрыву! — приказал Андрей.

— Уже иду. Но я не смогу закрыть четыре километра корпуса кораблем длиной в несколько десятков метров. Дайте точку, где выпадет больше всего.

Настя начала рассчитывать траектории. На схеме появились десятки линий, расходившихся от хранилища в космос. «Искатель» сместился вдоль обломка, но даже его пилот не мог оказаться сразу возле всех проломов, часть которых находилась за изломами корпуса и вращалась вместе с гигантским фрагментом. Манс мог подобрать одну капсулу, возможно две. Пока он выбирал, из креплений выходили новые.

Андрей увидел две камеры, сорвавшиеся почти одновременно. Они двигались рядом, медленно вращались и должны были пройти через разрыв через несколько секунд. Он вложил пистолет в крепление, уперся ногами в ферму и протянул обе руки, хотя давно знал, что жест не требовался. Сила отозвалась не сразу. Пространство вокруг капсул проявилось тяжестью, сопротивлением и направлением движения. Вельский охватил обе невидимой хваткой и потянул назад.

Первая замедлилась. Вторая дрогнула, столкнулась с краем соседней опоры и изменила траекторию. Андрей стиснул зубы, пытаясь удерживать каждую отдельно, но сознание уже не справлялось с двумя движениями. В висках ударила боль. По внутренней стороне шлема пробежало синее мерцание, предупреждающие руны закрыли карту, а колени перестали чувствовать опору.

— Отпусти одну, — приказал Лиан. — Ты не удержишь обе.

Андрей не выбрал. Он попытался усилить воздействие сразу на две. Первая капсула остановилась у самого разрыва. Вторая вывернулась из хватки, ударилась о край корпуса и раскололась. Замерзшая жидкость, обломки оболочки и темное тело внутри разошлись медленным облаком. Синяя отметка погасла прежде, чем вышла за границу корабля.

Удар чужой смерти прошел через Таар-Ила. Молодой Саа вскрикнул — не тем сухим звуком, которым его народ обозначал боль, а по-человечески, громко и беспомощно. Коллективный разум почувствовал исчезновение одной части и ответил общим страхом. Тысячи отдельных сознаний сжались вокруг потери, на мгновение стали единым целым и потянулись к единственному существу, слышавшему их.

Андрей удерживал оставшуюся капсулу еще несколько секунд. Мышцы не имели отношения к телекинезу, однако руки дрожали, спина выгнулась, дыхание превратилось в короткие судорожные вдохи. Сила больше не слушалась точно. Она то сжимала оболочку, застав-

ляя показатели внутри падать, то слабела, позволяя камере снова двигаться к космосу. Лиан добрался до него и схватил за плечо.

— Остановись. Ты раздавишь ее.

Вельский попытался ослабить хватку, сохранив торможение. На тренировке он делал это десятки раз с металлическими пластинами. Сейчас вместо легкого предмета перед ним находилась тяжелая капсула, корабль тянул ее наружу, вокруг продолжался бой, а в общей связи звучал страх существ, которые уже знали, что чужая помощь может убить не хуже охраны.

Сила сорвалась. Капсула ушла вперед, задела край пролома и вылетела в космос. Манс изменил курс «Искателя», пытаясь перехватить ее, но вращающийся фрагмент закрыл линию. Синяя точка двигалась по карте еще семь секунд. Затем рамка стала красной, и рядом появилось знакомое сообщение: «Не выжил». Андрей опустил руки. Он не спас ни одну.

Внешний пояс продолжал разрушаться. Настя называла номера креплений, Манс вел корабль к самой плотной группе, Лиан и Арес удерживали охранные сферы подальше от Таар-Ила, Николаич пытался разобраться в системах капсул через поток чужих данных. Каждый делал все, что умел, но этого не хватало. На карте одна за другой гасли отметки, и с каждой смертью давление на молодого Саа становилось сильнее.

Пробуждающиеся разумы соединялись уже не случайно. Общая боль дала им направление, страх — первую общую мысль, а присутствие Таар-Ила — адресата. Они не знали, кто он, не понимали его языка и, возможно, никогда прежде не пользовались психоникой, однако корабельная сеть позволила передать самое простое требование, существовавшее раньше любых слов. Оно обрушилось на Саа, прошло через его связь и заполнило сознание остальных образом тысяч закрытых камер, поврежденного корпуса и жизней, заканчивавшихся в одиночестве: спасите нас.

Таар-Ил пытался удержать себя отдельно от этого крика. Он искал управление хранилищем, открывал и закрывал функции, отбрасывал чужие ощущения, но каждый погибший оставлял в коллективном разуме пустоту, которую замечали все остальные. Корабль пробудил тех, кого не мог больше поддерживать, и теперь они цеплялись за единственное сознание, способное услышать их. Молодой Саа согнулся сильнее, ладони скользнули по панели, а в общей связи страх начал уступать место боли — не одной, не сотен и даже не тысяч существ, а чего-то нового, только что родившегося из их общего отчаяния. Оно еще не умело говорить. Только требовало помощи, которой у людей не было.

Требование оказалось сильнее любого крика. Оно не осталось в сознании Таар-Ила, а разошлось по общей связи, ударило в каждого одинаковым ощущением и на несколько секунд заставило забыть, где заканчивается собственное тело. Андрей почувствовал холод внутри тесной оболочки, отсутствие воздуха, который неизвестному существу, возможно, вообще не требовался, и медленное возвращение боли в конечности, не похожие на руки или ноги. Рядом существовали другие. Их было так много, что разум не мог сосчитать, и каждый исчезал внезапно, оставляя после себя провал, мгновенно замеченный всеми. Вельский знал, что стоит возле разрушенного пояса хранилища, видел предупреждения костюма и слышал команды Насти, однако одновременно находился в тысячах капсул, просыпался, умирал и снова тянулся к чужому присутствию с единственным желанием, для которого не требовалось языка.

Лиан разорвал связь первым. Ментальная грань мага была слишком слабой для разговора с коллективом, но достаточно развитой, чтобы понять, каким образом чужое отчаяние проникало в сознание людей. Он выбросил вперед ладонь, создал вокруг Таар-Ила короткий жесткий импульс и на мгновение отделил молодого Саа от корабельной сети. Общий крик оборвался. Андрей пошатнулся, снова увидел перед собой только хранилище и едва успел поднять руку, когда охранная сфера вышла из-за фермы. Машина остановилась в воздухе, дрожа под телекинетической хваткой, Арес шагнул навстречу и рассек ее одним клинком. Обломки ударились о броню десантника и осыпались на конструкцию.

— Если они еще раз войдут в голову без предупреждения, — тяжело произнес Арес, — пусть хотя бы сразу скажут, кого именно надо убить.

— Они не вошли, — ответил Таар-Ил.

Молодой Саа продолжал стоять возле панели, но теперь держался за нее, словно палуба двигалась под ногами. — Я открыл связь. Они использовали ее.

— Значит, в следующий раз закрывай.

Таар-Ил повернул голову к капсулам. В темных глазах отражались сотни синих отметок. — Тогда они останутся одни.

Арес не нашел ответа. Его пистолет погас, правая рука почти не двигалась, за поясами хранилища продолжали появляться защитники, и каждый практический довод требовал немедленно отступать. Однако десантник посмотрел туда же, куда молодой Саа, и только плотнее сжал рукоять клинка.

— Николаич, — позвал Андрей. — Нам не спасти всех. Сколько капсул можно вывезти?

Врач молчал несколько секунд. На медицинском канале менялись схемы, программа сводила чужие показатели с вместимостью грузового отсека «Искателя», массой камер и возможностью подключить хотя бы часть систем поддержания. Ответ получился хуже надежды и лучше полного поражения. Отдельные капсулы не имели автономного питания. Их можно было вырвать из креплений, перенести на корабль и даже разместить внутри, но после разрыва связи с общим контуром неизвестные организмы прожили бы несколько минут. Зато в нижней части хранилища находились аварийные блоки. Каждый объединял шесть камер, резервный накопитель и собственную систему среды. Большинство разбило вместе с окружающими секциями; один все еще отвечал на запрос, еще два показывали повреждения, несовместимые с безопасным запуском.

Настя вывела нужный блок на карту. Он находился на тридцать метров ниже внешнего пояса и почти у самого разрыва, куда уходили сорванные капсулы. Между людьми и ним двигались девять охранных сфер. Две крепились к центральной ферме и отличались от прежних: их корпуса были крупнее, а пластины складывались вокруг длинных излучателей, способных прошить опору насквозь.

— Шесть, — сказал Андрей.

— Шесть существ, — уточнил Николаич. — Если резервный контур действительно работает и если мы сможем подключить его без совместимого оборудования. Я перечисляю условия не потому, что хочу вас остановить. Я хочу, чтобы вы понимали: забрать блок мало.

— Сначала заберем. Потом будем решать остальное.

Манс уже вел «Искатель» к пролому. Крылья небольшого корабля прошли в нескольких метрах от рваной обшивки, двигатели дали короткий боковой импульс, и на схеме появилась зеленая линия от грузового отсека к аварийному блоку. Пилот не мог войти глубже: ширины хватало, но вращение обломка превращало безопасный проход в сжимающуюся пасть. Через девяносто секунд край корпуса должен был закрыть путь. Если команда не успевала вытолкнуть блок наружу, Манс уходил, иначе «Искатель» рисковал остаться внутри вместе со всеми.

— Полторы минуты, — сказала Настя.

Ее голос снова звучал ровно. Только последнее слово оказалось тише предыдущих. — Потом окно закроется на одиннадцать минут.

Одиннадцать минут хранилище не выдерживало. На карте уже погасла почти треть отметок, и разрушение продолжало идти вдоль внешнего пояса. Андрей посмотрел на Ареса. Тот понял приказ еще до того, как командир успел его сформулировать, и отрицательно качнул головой.

— К блоку идет Лиан. Ты остаешься возле Таар-Ила, — решил Андрей, глядя на неподвижную правую руку десантника. — Одного плеча и половины заряда недостаточно для рывка через весь зал.

— Лиан нужен рядом с тобой, иначе ты снова попробуешь удержать всё сразу. А у меня работают ноги, левая рука и очень сильное желание не смотреть, как гаснут остальные отметки. До блока я доберусь быстрее любого из вас, — возразил Арес без привычной усмешки. — Обратно вытащишь. Но сначала сделай так, чтобы мне было куда возвращаться.

Спор занял бы больше времени, чем у них оставалось. Андрей кивнул Лиану. Маг встал рядом, проверил заряд накопителя и коротким движением открыл на винтовке дополнительный контур. Кристаллические вставки вспыхнули ярче. Таар-Ил снова коснулся панели, на этот раз не погружаясь в сеть полностью, а удерживая перед собой ту жесткую границу, которую показал Лиан. Чужой коллектив немедленно нашел его, коснулся защиты сотнями слабых импульсов и отступил, будто понял, что единственный слышащий разум не отказался, а только пытается выжить.

— Открой аварийный блок, — произнес Андрей. — Не объясняй кораблю, кто мы. Покажи, что капсулы должны уйти через разрыв.

Молодой Саа закрыл глаза. В сеть ушел образ шести камер, общего накопителя и пустоты снаружи. Корабль ответил сопротивлением: аварийная система была создана для эвакуации, но центральный приказ на запуск отсутствовал. Таар-Ил повторил образ и добавил к нему то, что чувствовали проснувшиеся. Не просьбу людей. Страх тех, кого система обязана была сохранять. На аварийном блоке вспыхнули серебристые линии.

— Пошло, — сказала Настя. — Фиксаторы снимаются. Семьдесят восемь секунд.

Арес сорвался с места. Усилители костюма приняли часть нагрузки на поврежденную сторону, магнитные крепления прошли по ферме быстрыми тяжелыми шагами, затем десантник оттолкнулся и полетел к нижнему поясу. Лиан открыл огонь раньше, чем защитники успели перестроиться. Первый снаряд ударил в крупную сферу, не пробил пластины, но заставил ее повернуться; маг сжал пальцы, и разогретая опора под машиной выгнулась, толкнув ее в сторону. Андрей выбрал вторую, почувствовал движение внутренних сегментов и ударил не по корпусу, а по вытянутому излучателю. Оружие ушло вверх. Белый луч прошил пустоту и расплавил край дальней фермы.

Обычный пистолет оставался в креплении. Андрей больше не пытался экономить силу для будущего, которого могло не наступить, но и не позволял ей разливаться бесконтрольно. Одна сфера пошла следом за Аресом — Вельский изменил ее направление ровно настолько, чтобы машина пролетела мимо. Лиан встретил ее выстрелом. Две другие раскрыли пластины одновременно; Андрей выхватил оружие Левина, трижды нажал на спуск и заставил ближайшую закрыться, а вторую прижал к ферме коротким телекинетическим толчком. Пули и сила перестали быть разными способами боя. Первые заставляли противника открыть защиту, вторая меняла траекторию, после чего Лиан завершал то, на что у каждого из них отдельно ушло бы слишком много времени.

Арес достиг блока за сорок секунд. Шесть капсул располагались вокруг общего цилиндра, похожего на темное веретено, и теперь медленно выходили из креплений вместе с ним. Один фиксатор не отпустил. Десантник закрепился возле застрявшего узла, поднял левый клинок и ударил по серебристой опоре. Энергетическое лезвие вошло наполовину. Второй рукой он воспользоваться не мог. Арес выдернул клинок, изменил угол и ударил снова. По медицинскому каналу прошел сигнал боли, который Николаич не стал комментировать, понимая, что приказ остановиться сейчас ничего не изменит.

— Тридцать две секунды, — сообщила Настя.

— Манс, я вижу тебя, — сказал Арес.

— А я вижу кусок корабля, который хочет оторвать мне крыло. Поэтому давай быстрее.

Последний фиксатор раскололся. Блок отделился, однако не пошел к выходу. Автоматика сняла крепления, рассчитывая передать его транспортной системе, которой больше не существовало. Шесть капсул и накопитель остались висеть возле пояса.

Арес уперся ногами в ферму и толкнул конструкцию плечом. Масса почти не ощущалась в невесомости, но инерция требовала усилия, а поврежденная броня не позволяла развернуться правильно. Блок медленно сдвинулся. Слишком медленно.

— Андрей, — позвал десантник.

Вельский уже тянулся к конструкции. Между ними оставались десятки метров, несколько поясов капсул и движущиеся машины, но после предыдущих попыток сознание знало, что искать. Не шесть отдельных камер. Не тела внутри. Единый корпус, направление и скорость. Сила обхватила центральное веретено. В висках снова появилась боль, однако на этот раз Андрей не пытался остановить чужое движение и не удерживал две цели сразу. Он дал блоку один точный толчок.

Конструкция пошла к разрыву. Арес оттолкнулся следом, одной рукой удерживаясь за страховочный выступ. Охранная сфера развернула оружие прямо перед ним. Десантник не успевал уклониться. Андрей увидел направление луча еще до выстрела, вложил в воздействие больше, чем собирался, и смял излучатель внутрь корпуса. Машина вспыхнула собственным зарядом. Взрыв сорвал несколько пластин, отбросил Ареса и одновременно придал аварийному блоку дополнительную скорость.

— Двенадцать секунд!

«Искатель» показался за проломом. Грузовая створка была открыта, из нее вышла широкая сеть с гравитационными фиксаторами. Манс вел корабль боком, удерживая нос от вращающегося края, а Николаич стоял внутри отсека в закрепленном медицинском скафандре и готовил переходники, которые еще не знал куда подключать. Аварийный блок пересек границу корпуса. Сеть сомкнулась вокруг него. На карте шесть синих отметок продолжили гореть.

— Груз принят, — сказал Манс. — Теперь очень желательно принять экипаж.

Арес летел следом, но взрыв изменил его траекторию. Вместо грузового отсека десантника уносило под левое крыло, к рваному краю обломка. Он включил маневровый блок. Поврежденный костюм ответил одним коротким импульсом и отключил сопла, обнаружив перегрев линии. До корабля оставалось меньше двадцати метров. До столкновения с корпусом обломка — пять.

Андрей поймал товарища силой — не остановил, а повернул движение вокруг ближайшей опоры, как Манс разворачивал гравитационную машину на гонке. Арес прошел по дуге, ударился ботинками о край грузовой створки и исчез внутри. Воздействие отдалось в голове белым светом; Лиан удержал Вельского за нагрудную пластину, пока пелена не ушла из зрения. — Еще одно такое воздействие — и я сам отключу твой костюм. Ты уже не различаешь границу силы.

— Таар-Ил остался у панели, — ответил Вельский, заставляя глаза снова сфокусироваться. За болью поднимался страх, холодный и совершенно не похожий на боевой азарт: он только что едва не потерял Ареса, а теперь видел, как второй товарищ добровольно остается в гибнущем зале.

Молодой Саа не двигался. Корабль понял эвакуацию слишком поздно и теперь пытался продолжить ее, последовательно освобождая остальные аварийные блоки. Большинство разрушалось сразу после выхода из креплений. Коллективный разум чувствовал каждую потерю, давил на Таар-Ила и требовал завершить начатое. Саа удерживал защиту, но за ней росло чужое отчаяние. Он мог закрыть связь. Для этого требовалось лишь отнять руки от панели и отвернуться от тех, кто уже признал его последней надеждой.

— Таар-Ил, мы уходим, — позвал Андрей. — Не потому, что они для нас ничего не значат. Потому что через минуту рядом не останется никого, кто сможет увезти спасенных.

Молодой Саа не отнял рук. — Они еще живы. Чувствуют нас. Каждый раз, когда гаснет капсула, остальные спрашивают, почему я позволил.

Андрей приблизился сквозь редкие вспышки, пока Лиан удерживал оба направления, и положил ладонь на плечо товарища. Простого приказа здесь было недостаточно; Таар-Ил слышал не отметки на карте, а тысячи разумов, для которых их отступление становилось последним событием жизни. — Я не попрошу тебя назвать это правильным. Передай им правду: мы забрали шестерых, сохранили их общий разум и будем искать способ вернуться. Потом отключайся. Если останешься, твоя смерть не спасет ни одной капсулы — только отнимет у них единственного, кто сумел услышать.

Таар-Ил долго не отвечал. Потом открыл связь в последний раз. Человеческие слова не дошли бы до коллективного сознания, поэтому он передал образ маленького корабля, шести сохранившихся огней и пути, уходившего к далекой планете. Добавил к нему память Андрея о Новом Гелиосе: палатки среди незнакомой долины, люди, строившие стены там, где еще недавно ничего не было, и упрямое нежелание признать невозможность окончательным ответом. Коллектив не понял места и имен. Но понял уход. Понял, что шесть его частей не исчезли, а удаляются вместе с теми, кто услышал просьбу. Давление ослабло. Не исчезло — отступило достаточно, чтобы Таар-Ил отнял руки.

Они покидали хранилище под огнем. Арес, уже находившийся на борту, передавал маршрут по собственным меткам. Настя открывала переборки через оставленные адаптеры и закрывала их сразу за группой. Манс вывел «Искатель» к первоначальной точке стыковки, не прекращая спорить с вращением обломка. Николаич подключил резервный блок к корабельной сети через три несовместимых переходника и потребовал еще мощности, хотя пилот до этого запретил трогать даже аварийный контур.

Последний коридор начал складываться прежде, чем люди добрались до выхода. Корабль не просто закрывал двери. Овальные кольца смещались навстречу друг другу, сжимая пространство и отрезая нарушителей от внешнего шлюза. Лиан нагрел одну направляющую, Андрей удержал вторую силой, Таар-Ил заставил ближайшую панель поверить, что проход уже пуст. Все три действия по отдельности не остановили бы механизм. Вместе они дали Аресу на борту возможность запустить лебедку и выдернуть товарищей наружу вместе со страховочной линией.

Андрей влетел в грузовой отсек последним. Створка закрылась за спиной, искусственная гравитация приняла его вес, и ноги сразу подогнулись. Лиан опустился рядом на одно колено, не от усталости, а чтобы проверить реакцию зрачков. Таар-Ил остался сидеть возле стены, глядя на аварийный блок. Арес лежал на медицинской платформе и пытался убедить Николаича, что сначала следует осмотреть капсулы. Врач ответил, что существа хотя бы не спорят с человеком, который собирается их лечить, и снял с поврежденного плеча первую пластину.

«Искатель» дал полную тягу. Мертвый гигант поплыл назад, медленно закрывая звезды разорванным корпусом. На внешних камерах еще некоторое время были видны капсулы, уходившие в разные стороны. Потом расстояние превратило их в точки, а точки исчезли.

Из шести спасенных сигнатур одна слабела. Николаич перенаправил к ней питание, изменил напряжение наугад и получил ответ: серебристые линии вокруг камеры вспыхнули, внутренний обмен немного выровнялся. Система принимала человеческую помощь, но каждое действие оставалось попыткой разобрать чужой язык по одному движению губ.

— До Нового Гелиоса далеко, — сказал Манс из рубки. — До станции еще дальше. Куда идем?

Андрей поднялся не с первой попытки. Голова отзывалась болью на каждый шаг, но сознание оставалось его собственным, а перед глазами горели шесть отметок, ради которых они потеряли несколько тысяч. На орбите люди не имели оборудования даже для собственного полноценного анабиоза. Магократия могла лечить живое тело, но не знала устройства чужих капсул. Совет Саа не стал бы принимать решение прежде, чем неизвестные существа умерли

бы от ожидания. Оставался один представитель этой расы, достаточно старый, богатый и любопытный, чтобы нарушить порядок ради задачи, которую прежде никто не решал.

— В Пристань, — сказал Вельский. — К Аар-Таалу.

Манс не уточнил, предупредили ли главу Дома Дальних Течений о ночном визите корабля с шестью умирающими существами неизвестной расы. Пилот изменил курс, вывел двигатели на предельный продолжительный режим и только после этого сообщил, что до Тариса они доберутся быстрее расчетного времени, если «Искатель» простит ему обращение с новым реактором.

Таар-Ил закрыл глаза. Коллективный разум остался далеко позади, однако шесть слабых сознаний продолжали чувствовать друг друга через общий блок. Теперь в их страхе существовало новое ощущение. Они не знали, куда их везут, кто находится рядом и почему огромный корабль исчезает за кормой. Но впервые с момента пробуждения вокруг них что-то двигалось не к смерти. Это еще не было спасением. Только дорогой к нему.

Глава 2. Голоса, которым больно

До Тариса оставалось больше девяти часов, когда Николаич впервые разрешил Таар-Илу отойти от аварийного блока. Разрешение прозвучало именно так, хотя молодой Саа не считал себя пациентом, а врач не обладал правом отдавать ему приказы. Просто шесть спасённых сознаний удалось удержать в состоянии, при котором они чувствовали друг друга, но перестали тянуться к единственному доступному психонику при каждом изменении среды. Лиан замкнул вокруг блока слабую ментальную защиту, Николаич настроил предупреждение на любое усиление нервной активности, и только после этого Таар-Ил отнял ладони от центрального накопителя.

Он не упал. Несколько секунд простоял совершенно неподвижно, словно ждал, что отсутствие прикосновения действительно освободит его от хранилища, затем дошёл до стены и сел прямо на пол грузового отсека. На шлеме давно не было крови, костюм не показывал ранений, дыхание оставалось ровным, однако Манс, передавший управление Насте и пришедший проверить реактор, остановился в дверях. Молодой Саа смотрел на шесть тусклых отметок и продолжал вздрагивать всякий раз, когда одна из них меняла яркость.

— Ты всё ещё там? — спросил пилот, присаживаясь напротив.

Таар-Ил понял вопрос без пояснения. — Нет. Связь закрыта.

— Я спрашивал не про связь.

Ответа не последовало. В ментальном фоне Саа лежало не одно переживание, а тысячи оборванных состояний, которые он никак не мог признать чужими. Капсула срывалась с крепления, холод исчезал, разум успевал почувствовать пустоту вокруг — и гас. Потом то же самое происходило снова, только с другим телом, и каждый раз последние секунды становились частью Таар-Ила прежде, чем он успевал закрыться. Теперь никаких голосов рядом не было, но память продолжала умирать по кругу.

Манс посидел молча. Для человека, способного заполнить разговором время от запуска двигателя до выхода на орбиту, это уже являлось серьёзной попыткой помочь. Затем он поднялся, ушёл в жилой отсек и вернулся с плоской металлической флягой, которую прежде никому не показывал.

— У людей существует несколько способов переживать то, что нельзя исправить, — начал он, снова устраиваясь на полу. — Можно работать до тех пор, пока организм не отключится сам. Можно молчать и делать вид, что всё прошло. Можно найти кого-нибудь, кто согласится слушать, и наконец произнести вслух то, что внутри уже не помещается. Первые два способа очень популярны, хотя помогают отвратительно. А ещё существует старый промежуточный вариант.

Таар-Ил посмотрел на флягу. — Яд.

— Алкоголь. Ядом он становится в зависимости от количества, качества и решений, принятых после употребления. Это чача. Земной напиток, изготовленный из винограда людьми, которые считают слабостью всё, что не способно обжечь горло. Я берег её для первого серьёзного повода. Поздравлять нас пока не с чем, поэтому повод нашёлся другого рода.

— Врач запретит.

— Николаич запрещает даже лежать неправильно. Если соблюдать все его требования одновременно, придётся перестать двигаться и желательно заранее умереть, чтобы не ухудшать показатели.

— Я всё слышу, — произнёс врач из-за аварийного блока.

— Именно поэтому я говорил достаточно громко.

Николаич обошёл раму, посмотрел на флягу, потом на Таар-Ила и выразительно протянул руку. Манс прижал сосуд к груди. — Доктор, у пациента тяжёлая душевная травма. Человеческая медицина рекомендует индивидуальный подход.

— Человеческая медицина рекомендует не давать неизвестный раствор существу, обмен веществ которого мы изучали по чужим справочникам и словам его отца. Показывай состав.

Пилот нехотя передал флягу. Николаич провёл анализатором, убедился, что кроме воды, этилового спирта и растительных примесей внутри не скрывается ничего экзотического, и отмерил в маленький прозрачный стакан один глоток. Таар-Ил принял его длинными пальцами, понюхал, отчего дыхательные щели на шее сразу закрылись, и выпил.

Манс ожидал кашля, возмущения или хотя бы изменения цвета чешуи. Саа несколько секунд прислушивался к организму, затем вернул пустой стакан. — Горько. Тепло в пищевом тракте. Других последствий нет.

— Подожди немного.

Они подождали. Николаич дважды проверил кровь, дыхание и реакцию зрачков. Через пять минут организм Таар-Ила уже разложил большую часть этанола, а единственным заметным последствием осталось лёгкое расширение сосудов возле жабр.

— Я всегда говорил, что Саа подозрительно хорошо подготовлены к знакомству с людьми, — пробормотал Манс и налил больше.

Второй стакан изменил ещё меньше. Таар-Ил признал, что напиток стал понятнее, но не приятнее. Пилот оскорбился за несколько поколений предков, спорил о вкусе, выдержке и национальном достоинстве до тех пор, пока Николаич не забрал флягу окончательно.

— Если вы решили превратить медицинский отсек в лабораторию сравнительного пьянства, хотя бы проводите опыт правильно, — заявил врач. Он открыл запирающийся шкаф и достал небольшой контейнер с медицинским спиртом. — Девяносто шесть процентов. В чистом виде человеку я бы не дал даже понюхать. Для Саа — десять миллилитров под контролем. И прежде, чем ты обрадуешься, Манс: тебе не дам.

— Почему ему можно, а мне нельзя?

— Потому что его печень, судя по анализу, воспринимает этанол как кратковременное недоразумение. Твоя — как привычного противника, с которым уже устала воевать.

Таар-Ил выпил отмеренную порцию, поморщился сильнее прежнего и впервые за всё время произнёс не короткую оценку, а законченную фразу: — Если именно так люди пытаются сделать боль менее заметной, я начинаю понимать, почему после этого они разговаривают громче: иначе боль не услышит, что ей приказали уйти.

Манс медленно повернулся к Николаичу. — Работает.

— Это не лечение. Спирт только ослабил контроль, с которым он удерживает эмоции. Не путай открывшуюся рану с выздоровлением.

Врач оказался прав. Опьянение всё-таки пришло, но не человеческое. Движения Таар-Ила не стали неточными, голос не поплыл, а мысли не потеряли последовательность. Исчезла привычная внутренняя перегородка, за которой Саа держал чувства, чтобы они не мешали другим. Вместе с ней поднялась боль хранилища. Молодой Саа резко встал, попросил оставить его одного и ушёл в свою каюту прежде, чем Манс успел придумать очередной способ поддержать разговор.

Настя пришла к нему через двадцать минут. Она не принесла нового напитка, медицинского прибора или уверенности, что знает правильные слова. Просто остановилась у двери, дождалась разрешения и села на край закреплённой койки. В каюте Таар-Ила было слишком мало воды для представителя его расы и слишком много человеческих вещей для Саа, прожившего среди людей всего месяц: магнитная кружка, карта в бумажной распечатке, подаренная Мансом нелепая фигурка птицы и запасная куртка с эмблемой «Искателя».

— Манс рассказал? — спросил Таар-Ил.

— Он сообщил, что научил Саа пить чачу и совершил культурный прорыв. Николаич сообщил, что Манс чуть не отравил члена экипажа. Полагаю, истина находится между этими версиями, но пришла я не из-за алкоголя.

Таар-Ил провёл ладонями по лицу. — Мне необходимо прийти в норму.

— Хорошо.

Настя не спросила, когда это произойдёт, и не предложила способ. Она просто осталась. Молчание длилось настолько долго, что молодой Саа несколько раз собирался попросить её уйти. Вместо этого произнёс: — Я чувствовал их смерть.

Крылова медленно кивнула, не отводя от него взгляда. Она не попыталась подтвердить понимание чужими подробностями и не стала заполнять тишину готовым утешением. — Я знаю.

— Нет. Ты получила общий крик. Несколько мгновений. Я оставался в сети, когда каждая капсула выходила из корабля. Для приборов одна отметка меняла цвет. Для меня разум просыпался в холоде, понимал, что вокруг пустота, искал остальных и исчезал. Следующий уже знал о предыдущем. Их страх складывался. В какой-то момент они перестали просить спасти каждого и начали просить сохранить хоть кого-нибудь, а я слышал это и продолжал открывать крепления, понимая, что большинство блоков разрушится сразу.

Слова шли всё быстрее. Таар-Ил ожидал, что человеческая речь окажется слишком узкой для пережитого, но каждое полное предложение отделяло одно чувство от другого. Вина переставала быть огромной бесформенной массой. У неё появлялись причины, лица, последовательность решений.

— Когда Андрей приказал уходить, я ненавидел его за правильный приказ, — продолжил он. — Потом ненавидел себя за то, что подчинился. Они спрашивали, почему я позволил им умереть, хотя не знали ни моего имени, ни того, что я не мог удержать корабль. Я передал им обещание вернуться, но понимал: большая часть уже не дождётся. Теперь шесть находятся рядом и всё равно боятся, а во мне осталось столько смертей, что их невозможно отличить от воспоминаний о собственной.

Настя слушала, не перебивая. На словах о закрытых капсулах её пальцы сильнее сжали край койки, но она не стала переводить разговор на собственный плен и не доказывала, что понимает всё. — Я не могу забрать у тебя эти воспоминания. И не буду говорить, что ты не виноват: после таких слов вина обычно только начинает спорить. Но ты можешь рассказывать столько, сколько потребуется. Я никуда не уйду.

Таар-Ил посмотрел на неё. Привычный ответ Саа состоял бы из благодарности, переданной одним тёплым импульсом. После хранилища он боялся касаться чужого сознания даже с разрешения. Поэтому заговорил снова. Рассказал о первом исчезнувшем разуме, о том, как коллектив путал его с частью корабля, о страхе закрыть связь и оставить всех в одиночестве. В какой-то момент спирт перестал иметь значение. Осталась Крылова, которая задавала редкие точные вопросы и не пыталась заполнить каждую паузу утешением.

Когда слов наконец стало меньше, Таар-Ил понял, что говорит уже почти час. Не обрывками, которыми пользовался его отец, и не бесконечными построениями Аар-Таала, в которых одна мысль успевала рассмотреть себя с нескольких сторон. Обычными человеческими предложениями — достаточно длинными, чтобы другой человек понял не только факт, но и путь к нему.

— Аар-Таал говорил, что рядом с людьми нельзя экономить слова, — произнёс молодой Саа. — Я считал это одной из привычек древнего, которому нравится слушать собственную речь. Теперь понимаю: когда мысль передаётся напрямую, чувство приходит вместе с ней. В словах его приходится называть, связывать с причиной и доводить до конца. Возможно, именно поэтому говорить оказалось легче, чем молчать.

— Не привыкай слишком быстро, — сказала Настя. — Манс решит, что это его заслуга, и начнёт лечить разговорами весь экипаж.

Таар-Ил неожиданно рассмеялся. Звук получился тихим, почти журчащим, но человечески узнаваемым. Боль не исчезла. Погибшие не вернулись, а шесть спасённых всё ещё могли умереть до посадки. Однако впервые после хранилища пережитое находилось не только внутри него.

Настя поднялась лишь тогда, когда Николаич прислал требование выпить воды и лечь. У двери Таар-Ил остановил её словами, не ментальным прикосновением. — Спасибо, что ты не пыталась объяснить мне, что я должен чувствовать. Мне было необходимо не решение, а свидетель того, что это действительно произошло.

— У людей для этого тоже есть слово, — ответила Крылова. — Друг.

Она ушла. Таар-Ил остался в каюте один, но одиночество больше не повторяло пустоту между погибавшими капсулами. А когда через несколько часов вернулся к аварийному блоку, заговорил с Николаичем полными фразами. Врач заметил изменение, Манс приписал его чаче, а молодой Саа не стал исправлять ни одного. Каждый из них действительно помог. Просто не одинаково.

«Искатель» входил в атмосферу Тариса на скорости, которую Манс еще неделю назад назвал бы хорошим способом познакомить новый корабль с землей раньше положенного времени. Обшивка горела на внешних камерах ровным белым светом, линии нагрева ползли вдоль крыльев, а система предупреждала о превышении расчетной нагрузки уже не отдельными сигналами, а сплошной красной полосой над панелью. Пилот отключил ее после третьего повторения. Корабль не нуждался в сообщении о том, что ему тяжело: вибрация проходила через кресло, корпус отвечал на каждое движение глухими ударами, и даже нейроинтерфейс костюма Саа передавал Мансу раздраженное сопротивление управляющих контуров, словно «Искатель» действительно понимал, что хозяин требует от него больше обещанного.

— Потерпи, птичка, — попросил Манс, удерживая нос в узком коридоре между слоями атмосферы. — Ты хотела настоящее задание. Вот оно. Потом получишь обслуживание, новые накопители и право неделю не разговаривать с командиром.

— Я слышу, — сообщил Андрей из грузового отсека.

— Это я кораблю. Не вмешивайся в личное.

Обычно Вельский нашел бы ответ. Сейчас он стоял рядом с аварийным блоком, упирался ладонью в изогнутую оболочку крайней капсулы и следил, как по трещине растекается серебристая ремонтная смесь. Николаич не смог определить ее состав и назвал последним веществом на борту, которое хотя бы не ухудшало показатели неизвестного организма. Лиан нагревал материал короткими импульсами, Андрей удерживал края телекинезом, а Таар-Ил сидел у центрального накопителя и не позволял шести пробуждающимся сознаниям снова объединиться в крик. Их совместная работа продолжалась почти весь путь. Она не лечила. Только откладывала момент, когда поврежденная система перестанет справляться окончательно.

Арес лежал в двух метрах от них на медицинской платформе. Николаич снял обгоревшую часть брони, обработал ожог и зафиксировал правую руку, однако десантник отказывался переходить в медицинский отсек, пока чужие капсулы занимали грузовой. Он объяснял это необходимостью охранять командира. Врач дважды напомнил, что командир сейчас опаснее всего для самого себя, затем перестал спорить и подключил к плечу Ареса еще одну линию обезболивания.

— Край разошелся на две десятых, — сказал Лиан.

Маг убрал ладонь. Синий огонь исчез с поверхности капсулы, не оставив ни следа копоти, ни собственного тепла. — Андрей, ослабляй постепенно. Не отпускай сразу.

Вельский уменьшил давление. Руки вновь дрогнули, хотя физическое усилие не имело отношения к происходящему. После боя в обломке сила отзывалась медленно и с болью, будто

каждая попытка использовать ее заставляла сознание проходить по месту свежей раны. Он мог бы держать края пальцами, если бы человеческих рук хватало, чтобы остановить трещину в неизвестном сплаве. Телекинез оставался единственным инструментом, и потому Лиан не запрещал его применять. Только считал секунды, следил за глазами ученика и каждый раз заставлял остановиться раньше, чем Андрей считал необходимым.

Смесь выдержала. Трещина осталась темной линией, но больше не росла. Николаич проверил показатели и не позволил себе облегченно вздохнуть. Внутри камеры находилось существо длиной чуть больше метра. Его тело состояло из плотного центрального корпуса, шести рук и двух ног. Конечности были сложены вокруг корпуса так тесно, что в первые минуты врач принял их за внешний панцирь. Полупрозрачная кожа меняла оттенок вслед за импульсами внутренней среды, а вместо одного выраженного мозга сканеры находили несколько узлов нервной активности, соединенных вдоль тела. Ни один не работал отдельно. Жизнь сохранялась только пока система поддерживала их общий ритм.

— Пятый контур снова падает, — сказала Настя из рубки. — Перенаправляю питание с бытового сектора. Через три минуты там отключится отопление.

— Терпимо, — ответил Николаич. — В грузовом и так жарко.

— В рубке нет.

— Значит, Манс перестанет потеть.

— Я потею от ответственности, — отозвался пилот. — И от того, что впереди гора, которой не было в расчетном коридоре.

Корабль резко лег на левое крыло. Гравитационные компенсаторы приняли движение, но аварийный блок качнулся в креплениях. Андрей уперся ногами в пол и рефлекторно удержал его силой. Боль прошла от виска к затылку, перед глазами вспыхнула синяя линия. Лиан немедленно положил руку ему на запястье.

— Я не собирался держать долго.

— Ты уже держишь.

Андрей отпустил воздействие. Механические фиксаторы выдержали. Сила снова оказалась быстрее мысли, и это тревожило не меньше, чем прежняя неспособность вызвать ее вовремя. За неделю тренировок тело научилось отвечать на угрозу до осознанного решения. Лиан называл это формированием привычки и одновременно предупреждал, что привычка к воздействию на мир опаснее привычки доставать оружие: пистолет хотя бы требовал движения, а для телекинеза иногда хватало раздражения.

Таар-Ил поднял голову. Его внимание было направлено не на Андрея и не на капсулы. Через открытую часть общей связи прошел слабый образ рубки: Настя сидела перед тремя картами, одна рука двигалась по панели, другая сжимала край кресла. Перед ней оставалось включенным маленькое окно внешней камеры. Огонь атмосферного входа закрывал обзор, но даже эта светлая стена казалась Крыловой лучше замкнутого металлического помещения. На лице координатора не было страха. Таар-Ил чувствовал его глубже — не как отдельную эмоцию, а как давление, которое она каждый раз запирала прежде, чем оно успевало подняться к голосу.

Он мог коснуться ее сознания, выровнять дыхание и разделить часть нагрузки. Так поступил бы любой Саа с близким членом течения. Но Настя не принадлежала его расе. После плена у Изгоев она вздрагивала даже от случайного ментального контакта, а во время боя на обломке коллектив неизвестных существ прошел через связь, не спросив разрешения. Таар-Ил уже однажды почувствовал, как Крылова закрылась от него, и не хотел повторять вторжение под видом помощи. Он ограничился тем, что передал в рубку показатели креплений и попросил избегать новых резких маневров.

— Я тоже очень стараюсь, — ответил Манс. — Но гора пока не согласилась отойти.

— Коридор чист через семь секунд, — сказала Настя.

Голос оставался безупречно ровным. — Потом снижение до Пристани. Дом Дальних Течений подтвердил аварийный доступ к западному причалу, но разрешение выдал Иар-Тен. Аар-Таал пока не знает, что именно мы привезли.

Андрей посмотрел на пять устойчивых отметок и шестую, ритм которой снова начинал распадаться. Если глава Дома увидит чужие капсулы только после посадки, у него останется право решить, что неизвестная угроза не должна входить в город. Вельский не собирался получать согласие умолчанием. — Настя, соедини меня с Аар-Таалом лично. Через закрытую частоту, которую он выдал перед первым полётом.

— До входа в посадочный коридор четыре минуты.

— Значит, разговор будет коротким.

Крылова отправила вызов. Первая попытка вернулась без ответа, вторая ушла через внутреннюю сеть Дома, а на третьей над панелью возникло лицо древнего Саа. Аар-Таал находился в своей водной сфере, позади двигались верфи, и по его взгляду было ясно: до этого мгновения ночное возвращение «Искателя» являлось для него лишь очередной человеческой срочностью.

— Андрей, если вы вызываете меня за четыре минуты до посадки, предполагаю, что объяснение не помещается в обычный отчёт.

— Мы нашли крупный обломок неизвестного корабля и подали питание на один из его узлов. Проснулась охрана. Во время боя открылось хранилище с тысячами капсул, а система начала выводить находившихся внутри существ из стазиса. Большинство погибло из-за разрушения корпуса. Мы забрали аварийный блок с шестью организмами; один умирает прямо сейчас. Они разумны, связаны между собой и способны к психическому контакту. Наших технологий не хватает даже для того, чтобы понять причину распада.

Человеческого собеседника такая плотность новостей заставила бы перебить. Аар-Таал выслушал до конца, и только зеленоватая жидкость у жабр стала темнее. — Они управляют вашими действиями?

— Нет. Они напуганы и просят о помощи. Контакт был слишком сильным, но Таар-Ил удерживает границу.

— Вы уверены, что аварийный блок не передаёт сигнал другим частям корабля?

— Не уверены. Настя погасила всё, что смогла обнаружить. Я не стану обещать вам безопасность, которой не могу подтвердить.

Древний Саа перевёл взгляд за пределы изображения, вероятно отдавая распоряжения ещё до окончательного решения. — Западный причал примет корабль. Совет не уведомляйте до стабилизации существ: обсуждение убьёт их быстрее неисправной капсулы. Передайте Иар-Тену необработанные данные, чтобы лаборатория подготовила герметичную транспортировку. Остальное расскажете после посадки, когда я увижу то, чего вы пока сами не понимаете.

— Спасибо.

— Благодарность уместна после результата. Сейчас посадите корабль и постарайтесь не обнаружить по пути ещё одну цивилизацию.

Связь закрылась. Манс проводил исчезнувшее изображение взглядом. — Последнее требование звучит так, словно он уже неплохо знает нашего командира.

— Это хорошая новость, — решил Арес с платформы. — Если сначала посадка, а потом объяснения, нас хотя бы не заставят торговаться в воздухе.

— Аар-Таал способен торговаться в любом положении, — ответил молодой Саа. — В том числе во время падения.

Манс рассмеялся. Андрей тоже хотел, но в крайней капсуле изменился ритм. Серебристые линии погасли, внутренняя жидкость стала прозрачнее, а биологический сигнал резко просел. Николаич оказался рядом прежде, чем система закончила предупреждение. Он перенес питание на резервный узел, изменил состав среды по единственной схеме, которую удалось считать с накопителя, и потребовал от Таар-Ила проверить сознание существа.

Молодой Саа коснулся общей сети. Пять разумов ответили слабым беспокойством. Шестой находился рядом с ними, но будто удалялся, хотя физически камера не двигалась. Таар-Ил попытался удержать контакт и получил образ темной воды, в которой свет одного существа становился все глубже. Остальные чувствовали его исчезновение. Их страх начал соединяться.

— Не позволяй им объединиться полностью, — сказал Лиан. — Мы не выдержим повторного давления в таком состоянии.

— Они не выбирают.

— Тогда дай им другое направление.

Таар-Ил передал им присутствие врача, тепло вокруг капсул и приближение огромного водного города. Образы Пристани были чужими, но идея движения к помощи оказалась понятна. Пять сознаний удержались возле нее. Шестое продолжило уходить.

Николаич работал еще четыре минуты. Он не знал анатомии, не понимал половины показателей и не мог открыть капсулу, не убив организм мгновенной сменой среды. Все, что оставалось врачу, — поддерживать систему вокруг умирающего существа и наблюдать, как она исчерпывает возможности. В какой-то момент электрическая активность одного нервного узла исчезла. Потом второго. Последний импульс прошел по телу, отозвался в пяти соседних камерах и погас. Система вывела сообщение, которому люди научили ее несколько часов назад: «Не выжил».

Коллектив не закричал. Пять оставшихся существ сжались мыслями вокруг пустого места, и их молчание оказалось тяжелее прежнего крика. Таар-Ил отнял руки от накопителя. Николаич продолжал смотреть на показатели, словно еще мог найти ошибку в переводе. Андрей убрал ладонь с отремонтированной трещины и впервые заметил, что серебристая смесь под пальцами застыла.

— Я не понял, что ему требовалось, — произнес врач. — Система показывала падение обмена, но причина могла быть какой угодно. Питание. Среда. Повреждение при пробуждении. Их биология. Я выбирал из десятков вариантов и каждый раз мог делать хуже.

— Ты сделал всё, что мог, — сказал Андрей.

Николаич резко повернулся. — Никогда не говори это врачу сразу после смерти пациента. Особенно когда не знаешь, всё ли он сделал. Такая фраза помогает тому, кто ее произносит, а не тому, кто должен понять ошибку.

Вельский принял удар молча. Через несколько секунд врач провел ладонью по лицу и заговорил уже тише. — Извини. Ты не виноват. Просто привези остальных туда, где у меня будут инструменты, а не предположения.

— Привезу.

Обещание прозвучало увереннее, чем Андрей чувствовал себя внутри. Пять отметок оставались живыми. Несколько тысяч погибли на обломке, шестая — в грузовом отсеке, почти у них на руках. Каждый новый шанс становился одновременно напоминанием о тех, кому его не хватило.

«Искатель» вышел из плазменного слоя. На внешней камере появились море и Пристань. Город лежал на воде и под ней, соединяя прозрачные башни, плавучие платформы и темные глубинные сектора, в которых свет двигался вместе с течениями. Андрей уже видел столицу Саа с высоты, но сейчас она не вызывала прежнего восхищения. Где-то среди этих уровней находился Совет, лишивший Саар-Эна дома. Где-то работали верфи Дальних Течений, построившие «Искатель». И только один Дом согласился принять неизвестные капсулы до того, как кто-либо успел решить, законно ли людям привозить на Тарис чужую жизнь.

Западный причал поднялся из воды перед самым кораблем. Он не относился к обычным посадочным площадкам: широкая овальная платформа была соединена с подводным медицинским комплексом и окружена полем, способным за секунды заполнить весь сектор водой.

По краям уже стояли служащие Дома в герметичных костюмах, три грузовых манипулятора и прозрачная мобильная сфера. Внутри нее, поддерживаемый зеленоватой жидкостью, ждал Аар-Таал.

Манс коснулся опорами центра площадки мягче, чем Андрей ожидал после атмосферного входа. Двигатели погасли, фиксаторы вцепились в поверхность, и пилот объявил посадку завершенной ровно за секунду до того, как интерфейс выдал последнее предупреждение о перегреве.

— Видишь, — сказал он кораблю. — Я же обещал.

— Ты обещал обслуживание, — напомнила Настя.

— И неделю без командира. Но в сложившейся ситуации птичка согласилась на первое.

Грузовую створку открыли еще до полного выравнивания давления. Служащие Дома вошли без лишних вопросов, закрепили аварийный блок на платформе и начали окружать его гибкими линиями питания. Аар-Таал приблизился последним. В зеленой жидкости его плотная серо-бежевая чешуя почти сливалась с человеческим оттенком кожи, серебряные участки у висков казались сединой, и только несколько рядов жабр вдоль шеи и ребер не позволяли забыть, насколько древнее существо находилось перед людьми.

Глава Дома посмотрел на пять горящих отметок, одну погасшую и повреждения внешней оболочки. Обычно его лицо сохраняло человеческую подвижность, а длинная речь позволяла забыть о сухости большинства Саа. Теперь от сходства осталось мало. Зрачки расширились, жабры открылись сразу в нескольких местах, пальцы коснулись внутренней границы сферы. По ментальному фону прошел интерес такой силы, что Таар-Ил невольно выпрямился.

— Ваше краткое сообщение оказалось неприятно точным, — произнес Аар-Таал через внешний переводчик. Он перевёл взгляд с пяти горящих отметок на погасшую и лишь после этого продолжил: — Передо мной действительно неизвестные разумные, повреждённая система стазиса и оборудование, которое Дом не умеет читать с первого взгляда. Я полагал, что после знакомства с людьми моё представление о скорости возникновения новых задач стало достаточно широким.

— Мы тоже так думали, — ответил Андрей. — Ошиблись.

Древний Саа приблизил сферу к аварийному блоку. Темные волокна в поддерживающей жидкости потянулись к жабрам, помогая телу справиться с изменившимся дыханием. — Почему Совет не уведомлен?

— Потому что им потребуется заседание, — сказал Арес, позволяя двум служащим переложить себя на другую платформу. — Потом второе заседание, чтобы решить, кто виноват в первом. Эти столько не проживут.

Аар-Таал перевел взгляд на десантника, задержался на ожоге и не стал поправлять форму обращения. — Точная оценка. Непочтительная, но точная.

— Мы пришли к вам не потому, что считаем Дом обязанным, — вмешался Андрей. — У людей нет таких технологий. Магократия не успеет доставить специалистов. Саар-Эн пока не восстановился, а его прежние полномочия ничего не значат. Вы единственный, кто способен попробовать помочь сейчас и не станет ждать разрешения.

— Вы также помните, что я интересуюсь технологиями, которых не понимаю.

— Помню. И рассчитываю на это.

Глава Дома еще несколько секунд изучал человека. Потом в его глазах появилась знакомая теплая насмешка. — Хорошо. Мне нравится, когда собеседник не украшает просьбу ложным бескорыстием. Вы хотите спасти разумных. Я хочу понять их устройство. Оба мотива могут существовать одновременно и не делают помощь менее настоящей.

Он поднял руку. Западный причал начал опускаться. Вода сомкнулась над полем, внешний свет стал зеленым, а вся площадка вместе с «Искателем» ушла под поверхность. Аварийный блок перемещался рядом в отдельной сфере, окруженный служащими Дома. Николаич

отказался от медицинской платформы и шел за ним, удерживаясь за поручень. Арес попытался поступить так же, но правая нога подогнулась после первого шага, и десантник без дальнейших возражений позволил увезти себя.

Ниже города открылся сектор, которого Андрей прежде не видел. Обычные постройки Пристани повторяли движение воды, пропускали течения сквозь прозрачные каналы и соединяли сухие помещения с бассейнами. Здесь архитектура становилась тяжелее. Вокруг огромной шахты располагались кольца лабораторий, складов и технических камер. На стенах виднелись знаки десятков рас, некоторые стерлись настолько, что даже переводчик не пытался их распознать. Дом Дальних Течений хранил чужие технологии не в одном музее и не на одной верфи. Он собирал их столетиями, разбирал, соединял и ждал задач, для которых отдельные устройства окажутся недостаточными.

— Куда вы их везете? — спросил Николаич.

— В зал несовместимых решений, — ответил Аар-Таал.

Манс, успевший покинуть рубку, остановился рядом с его сферой. — Это официальное название?

— Нет. Официальное значительно длиннее и хуже передает назначение.

— Я начинаю понимать, почему вы нравитесь людям.

— Это взаимная проблема.

Платформа достигла нижнего кольца. Створки разошлись, открывая помещение высотой в несколько этажей. В нем не существовало единой планировки. Часть пола занимала вода, над ней висели силовые рамы, справа стояли медицинские капсулы Магократии, слева — несколько разобранных корлианских контуров, дальше под защитным полем находился темный цилиндр марканианского производства. Ни одна система не предназначалась для работы рядом с другой. Служащие Дома уже соединяли их временными линиями, подчиняясь указаниям Аар-Таала, который, казалось, составил половину решения еще по дороге вниз. Аварийный блок установили в центре.

— Нам требуется понять три вещи, — произнес глава Дома. — Что поддерживает тела. Что соединяет разумы. И какая часть системы умирает первой. Если попытаемся лечить организм до отделения этих функций, можем спасти тело и уничтожить личность. Либо сохранить общий разум после смерти всех его носителей, что тоже не будет победой.

Николаич посмотрел на древнего Саа иначе. До этого он видел богатого торговца с доступом к чужому оборудованию. Теперь перед ним оказался разум, за восемь столетий привыкший начинать с вопросов, которых человеческий врач еще не успел сформулировать.

— Мне нужны необработанные данные всех пяти камер и погибшей, — сказал он. — Сравним изменения перед смертью. Еще состав среды, даже если анализаторы не знают половины элементов.

— Получите. Лиан, ваша магия может удерживать температуру внутри вещества без повреждения оболочки?

— Может. Но только локально. Я не заменю систему целиком.

— Замена не требуется. Вы дадите нам время. Андрей будет удерживать поврежденные соединения. Манс подключит корабельный реактор к преобразователю Дома. Таар-Ил сохранит границу общего сознания. Анастасия построит карту контуров и не позволит нам дважды подать энергию в одну линию.

Аар-Таал перечислил задачи так, будто команда заранее принадлежала его лаборатории. Никто не возразил. Только Арес, которого продолжали увозить к медицинскому сектору, поднял здоровую руку.

— А я?

— Вы позволите врачу Дома восстановить часть тела, которой уже воспользовались больше допустимого.

— Я могу охранять лежа.

— Тогда охраняйте врача. Он этого не заметит.

Створки закрылись за платформой Ареса. Работа началась. Первые два часа не принесли ни одного решения, которое можно было бы назвать надежным. Зато принесли семь способов убить оставшихся существ. Корлианский контур создавал поле, способное удержать распадающуюся структуру среды, но при включении нарушал связь между нервными узлами. Медицинская камера Магократии распознавала неизвестные организмы как несколько отдельных пациентов и пыталась лечить каждую часть независимо. Система Саа поддерживала обмен веществ, однако ментальная сеть принимала ее импульсы за чужое вмешательство и отвечала резким ростом активности. Даже простой внешний источник питания становился угрозой: аварийный блок ожидал сложную последовательность частот, которую никто не умел повторить полностью.

Аар-Таал не раздражался. Он переходил от одного варианта к другому с терпением существа, привыкшего тратить десятилетия на договоры и годы на строительство корабля. Вокруг его сферы двигались схемы, служащие приносили новые устройства, а зеленоватая жидкость постепенно темнела от вещества, помогавшего древнему телу выдерживать напряжение. Только скорость речи выдавала, что обычного времени у него нет.

— Не соединяйте второй преобразователь, — потребовала Настя, когда Манс попытался вывести дополнительную линию от реактора «Искателя». — На схеме она возвращается в тот же накопитель через боковой контур.

— На схеме она уходит в систему среды.

— Потом разделяется и возвращается.

— Здесь нет обозначения соединения.

— Потому что оно проходит внутри центрального корпуса. Я вижу изменение поля.

Манс замер с кабелем в руках, посмотрел на темное веретено и медленно убрал контакт. Через секунду корабельный преобразователь показал встречный заряд в линии, которую он собирался подключить. Пилот перевел взгляд на Настю. — Хорошо. Один потенциальный взрыв отменяется. Но я прошу отметить в журнале, что полностью доверял координатору и только проверял ее внимательность.

— Уже отметила. В разделе «Попытки Манса уничтожить лабораторию».

— Там отдельный раздел?

— С сегодняшнего дня.

Крылова не улыбнулась. Она стояла внутри прозрачной рабочей кабины, окруженная объемной картой аварийного блока, и сводила данные быстрее систем Дома. Ее пальцы двигались точно, голос не срывался, а внешняя камера оставалась открыта на маленьком экране в углу. Сейчас вместо космоса она показывала толщу воды над лабораторией. Светящиеся существа проходили между башнями, течения качали длинные растения, и эта чужая глубина почему-то помогала лучше, чем изображение сухого коридора.

Таар-Ил наблюдал за ней через отражение в поверхности капсулы. Страх после атмосферного входа не исчез. Настя просто построила вокруг него новые задачи: карту, линии питания, контроль температур, чужие обозначения. Каждая задача становилась стеной, за которой чувство могло подождать. Молодой Саа знал этот способ. Представители его расы тоже умели запирать переживания в глубине, однако делали это совместно: течение рода принимало лишнее напряжение, старшие помогали придать ему форму, и даже самое закрытое сознание оставалось частью общего поля. Крылова строила стены одна. С каждой новой задачей они становились выше.

— Таар-Ил, — позвал Николаич. — Что с третьей камерой?

Молодой Саа вернулся к блоку. Существо внутри было слабее остальных, но продолжало удерживать связь. Пять разумов больше не сливались полностью. Они чувствовали друг друга

и иногда обменивались простыми состояниями, однако сохраняли границы, которых Таар-Ил не заметил во время массового пробуждения. Возможно, коллектив возник только из-за общей опасности. Возможно, эти существа всегда существовали одновременно отдельно и вместе, а человеческое восприятие просто не различало уровни.

Он передал врачу образ пяти светлых точек, соединенных гибкими линиями. Одна дрожала. — Третья теряет ритм. Не питание. Связь между внутренними узлами.

Николаич сверил показатели. В теле неизвестного существа четыре нервных центра работали согласованно, пятый начал отставать на доли секунды. Человеческий мозг пережил бы такую разницу между отдельными участками. Здесь нарушение одного ритма заставляло остальные замедляться следом, словно организм не мог существовать, пока каждая часть не подтверждала присутствие остальных.

— Корлианское поле удержит структуру, — сказал Аар-Таал. — Но разорвет внешний контакт.

— Внешний можно восстановить, — ответил Николаич. — Внутренний сейчас важнее.

— Мы не знаем, переживет ли разум одиночество.

— Мы и так ничего не знаем. Если не включим — потеряем еще одного.

Древний Саа не стал прикрываться опытом. Он повернулся к Таар-Илу. — Сможешь остаться внутри связи, когда поле отделит камеру от остальных?

Молодой Саа прикоснулся к сети. Отделение уже чувствовалось как угроза. Пять существ не понимали слов, но следили за изменениями среды и ожидали следующей потери. Таар-Ил передал образ временно закрывающейся двери и собственного присутствия по другую сторону. Третье сознание ответило страхом, остальные — попыткой удержать его.

— Смогу, — сказал он. — Недолго.

Корлианский контур включили на минимальной мощности. Фиолетовая линия окружила капсулу, стала полусферой и замкнулась. Четыре существа исчезли из восприятия пятого. Таар-Ил вошел в разрыв, не позволяя ему остаться одному. Чужой разум схватился за контакт мгновенно. На молодого Саа обрушились ощущения тела, в котором несколько центров теряли общий ритм: одна конечность существовала на долю мгновения раньше другой, память возникала в одном узле и не доходила до остальных, собственная личность рассыпалась на части, каждая из которых знала, что должна быть общей.

Таар-Ил удерживал рядом простой образ себя. Имя. Тело. Пристань. Отец, стоящий на площадке Нового Гелиоса. Мать у прозрачной стены дома, который им пришлось оставить. Люди, принявшие его в экипаж прежде, чем он успел понять, хочет ли принадлежать им. Эти воспоминания не лечили неизвестное существо, но давали ему чужую цельность, за которую можно было цепляться.

Николаич изменил частоту поля. Нервные узлы внутри камеры начали сближать ритм. Сначала пятый догнал остальные на одну сотую, затем снова отстал. Аар-Таал перенастроил контур, опираясь на показатели Таар-Ила, Манс удержал питание, Настя закрыла обратную линию. Лиан стоял возле оболочки и поддерживал температуру там, где внешний преобразователь создавал опасный перепад.

Андрей ничего не делал. Его задача заключалась в готовности удержать соединения, если корпус снова начнет расходиться, но после боя сила отвечала слишком грубо. Вельский смотрел, как работают остальные, и впервые за много часов позволил себе признать: команда уже не была группой людей, которых он случайно собрал ради невозможной миссии. Каждый находился здесь потому, что без него решение не существовало. Даже он сам требовался не как человек, способный отдать приказ, а как один из инструментов, которым остальные доверяли достаточно, чтобы работать рядом.

Ритм выровнялся. Третья камера осталась отделенной еще минуту, затем поле начали снимать. Четыре сознания вернулись в восприятие пятого. Они коснулись друг друга, проверяя

присутствие, и на этот раз общая эмоция не превратилась в давление. Таар-Ил почувствовал облегчение, состоявшее из пяти почти одинаковых оттенков.

— Получилось, — сказал Николаич.

Он произнес это очень тихо, будто громкое слово могло разрушить достигнутое. Аар-Таал позволил себе закрыть глаза. Манс прислонился спиной к преобразователю и только после замечания Насти вспомнил, что устройство нагрето. Лиан погасил огонь. Андрей заметил, что тоже задерживал дыхание.

Успех дал им направление. Следующие часы Дом собирал вокруг аварийного блока систему, которую никто не стал бы называть медицинской установкой, увидев ее отдельно. Корлианские поля синхронизировали внутренние ритмы, контуры Магократии следили за веществом, преобразователи Саа поддерживали среду и ментальную связь, а корабельный реактор людей снабжал всё энергией. Чужие технологии не понимали друг друга. Настя переводила их работу в единую карту, Манс подбирал напряжение, Николаич решал, какие показатели считать жизненно важными, Лиан и Андрей вмешивались там, где машинам не хватало точности.

На поврежденной капсуле смесь снова начала расходиться. Вельский положил ладонь на оболочку, нашел края трещины и впервые не попытался сжать их силой. Он почувствовал, куда материал стремится сместиться, затем создал вдоль линии несколько небольших точек давления. Вместо одного грубого захвата получилась невидимая скоба. Боль не исчезла, но стала терпимой.

— Лучше, — сказал Лиан. — Теперь убери две средние точки. Они излишни.

— Если уберу, нагрузка пойдет на края.

— Именно. Края выдержат, а твое сознание — не обязательно.

Андрей подчинился. Трещина не изменилась. Он убрал еще одну точку, затем оставил только две. Воздействие, которое прежде потребовало бы всей концентрации, удерживалось на заднем плане рядом с дыханием и положением тела.

— Я начинаю понимать, почему ты заставлял меня двигать пластины по одной, — признал Вельский.

— Я объяснил причину на первой тренировке.

— Тогда я был занят ненавистью к пластинам.

— Это тоже мешает обучению.

Аар-Таал слушал разговор с интересом. — Саар-Эн описывал ваши способности иначе. По его словам, вы смяли тело марканианца вместе с броней.

Лаборатория на мгновение стала тише. Даже Манс перестал спорить с преобразователем. Андрей не любил возвращаться к тому эпизоду. Он помнил вытянутую руку, сопротивление чужого тела и мгновение, когда мир подчинился ярости быстрее, чем сознание успело решить, что именно делает. После этого были страх Ареса, темнота и несколько дней, в течение которых Вельский боялся случайно сжать кружку сильнее необходимого.

— Тогда я не управлял силой, — сказал он. — Скорее она управляла мной.

— Поэтому вы учитесь.

— Поэтому.

Древний Саа приблизился к прозрачной границе своей сферы. — Не отказывайтесь от воспоминания только потому, что оно вам неприятно. Существо, способное изменить окружающий мир одной мыслью, должно помнить первый случай, когда желание оказалось страшнее намерения.

Страх перед собственной силой вреден, но полное примирение с ней опаснее. Лиан одобрительно наклонил голову. — Это я тоже говорил.

— Возможно. Но он услышал сейчас.

— Потому что вы прожили восемьсот лет? — спросил Манс.

— Потому что я не заставлял его двигать пластины.

На этот раз улыбнулся даже Лиан. К концу четвертого часа показатели пяти капсул перестали падать. Николаич отказался называть состояние стабильным: часть среды продолжала разрушаться, резервный накопитель был почти исчерпан, а собранная установка требовала столько энергии, что западный сектор Дома отключил две верфи. Но время теперь измерялось не минутами. При правильной поддержке существа могли прожить сутки, возможно двое.

— Этого достаточно, чтобы доставить специалистов Магократии, — сказал Андрей.

— Недостаточно, чтобы они изучили биологию и нашли лечение, — возразил Николаич. — Мы задержали распад. Причину не устранили.

Аар-Таал вывел над блоком схему неизвестного корабля, составленную Настей. Центральный фрагмент занимал только часть первоначальной конструкции. К нему не подходили сохранившиеся магистрали, рубка управляла одним сектором, а системы хранилища работали без общего центра. — Вы забрали этих существ из тела, у которого отсутствовали голова и большая часть органов, — произнес глава Дома. — Возможно, нужная система существует в другом обломке.

— Если он сохранился, — сказал Андрей.

— И если находится там, где его можно найти.

Таар-Ил снова почувствовал движение в общей сети. Пять сознаний до этого оставались тихими, приспосабливаясь к новому ритму. Теперь они одновременно обратили внимание на развернутую карту. Не могли видеть изображение глазами, однако аварийный блок передавал изменения поля, а присутствие молодого Саа связывало их с мыслями окружающих. Интерес возник сначала у одного, затем перешел к остальным. В нем не было человеческого узнавания. Скорее боль от близости чего-то знакомого.

— Они понимают, что мы говорим о корабле, — произнес Таар-Ил.

— Спроси, где остальная часть, — сказал Манс.

— Они не понимают слов.

— Тогда покажи карту.

Молодой Саа передал образ центрального фрагмента и пустого пространства вокруг. Ответ пришел не изображением. Все пять сознаний потянулись в одном направлении, которого не существовало внутри лаборатории. Таар-Ил увидел звезды, но не так, как видел их человек: каждая была узлом расстояния, движения и памяти. Между ними возникла линия, оборвалась, затем появилась снова. На другом конце находилось не место, а чувство собственной недостающей части.

Настя заметила реакцию приборов. Аварийный блок выпустил короткий сигнал, слишком слабый для дальней связи, но содержащий последовательность координатных импульсов. Ее система перехватила поток, перевела в карту и выдала направление за пределы освоенного сектора. Расстояние оказалось небольшим по возможностям «Искателя» — меньше суток при расчетной скорости. Но координаты лежали возле зоны, на которую Конкордат Возвращения несколько месяцев назад заявил право исследования.

— Они знают, где носовая часть, — сказала Крылова.

Пять сознаний ответили общим подтверждением. Затем связь усилилась без предупреждения. Таар-Ил попытался поставить границу, но на этот раз коллектив не давил страхом. Он собирал силы для действия, которое считал необходимым. Аварийный блок открыл неизвестный контур, серебристые линии вспыхнули по всей поверхности, и корлианское поле погасло, будто его никогда не существовало. Лаборатория наполнилась ментальным импульсом. Андрей успел увидеть, как Аар-Таал резко подался вперед. Потом собственное тело исчезло.

Не потеряло чувствительность и не перестало существовать. Просто стало одним из многих. Вельский одновременно стоял возле капсулы, плавал в зеленой сфере древнего Саа, держал кабель руками Манса, следил за показателями глазами Николаича и ощущал чужие конечности, сложенные внутри пяти камер. К нему пришли мысли остальных — не слова, которые

люди обычно прятали за внутренним голосом, а сами направления внимания. Усталость Лиана. Боль Ареса в соседнем медицинском секторе. Напряжение Насти, окруженное множеством аккуратных стен. Спокойствие Аар-Таала, под которым древний разум мгновенно искал способ вернуть каждому границы.

Коллектив Эллари не удерживал их силой. Он не понимал, почему отдельное сознание считает прикосновение пленом.

Название возникло вместе с первым образом. Не звук и не слово, а ощущение множества существ, признающих друг друга частями одного живого течения. Переводчик Таар-Ила подобрал ближайшее сочетание: Эллари.

Они показали корабль целым. Громадная конструкция не летела в обычном пространстве, а словно удерживала вокруг себя отдельную область тьмы. В центральной части располагались хранилища, жилые узлы и тысячи спящих тел. Носовая часть несла управление, реактор и существо, вокруг которого сходились биологические контуры. Люди сперва приняли его за пассажира. Потом поняли: оно было и живым, и частью корабля. Его разум следил за состоянием остальных, восстанавливал разрушенные связи и мог перестраивать тела так же, как человеческий врач соединял края раны. Хранитель.

Слово пришло через Николаича. Эллари приняли его, хотя их собственное понятие означало одновременно «тот, кто помнит форму», «часть, возвращающая целое» и «живой узел пути».

Корабль разорвало не при самом переходе. Сначала он вышел из Излома поврежденным и потерял управление. Несколько частей продолжали обмениваться координатами через слабый канал. Центральный фрагмент слышал носовую часть столетиями, пока накопители не начали гаснуть. Последний сигнал сохранился в аварийном блоке. Эллари не знали, сколько времени прошло. Для спящих разумов путь между двумя мыслями мог занимать секунду или эпоху.

Андрей попытался спросить, что произошло до катастрофы. В ответ возникли два одинаковых силуэта, расходившихся в разные стороны, боль разделения и настолько сильный страх узнавания, что коллектив немедленно закрыл образ. Существа не могли или не хотели показать больше. Их сил хватало только на одну просьбу. Доставьте нас к Хранителю.

— Там корлианцы, — произнес Андрей, хотя не знал, каким ртом говорит. — Они могут забрать корабль и вас.

Коллектив не понимал названия расы. Вельский передал воспоминание о Конкордате: энергетические существа в материальных оболочках, холодное превосходство, гонка и противники, нарушавшие правила, когда победа перестала быть гарантированной. Образы Манса добавили скорость, ослепительные трассы и лицо корлианской пилотессы. Настя привнесла карту сектора и отметку чужой исследовательской зоны.

Эллари ответили ощущением убывающего времени. Их тела распадались медленнее, но Хранитель оставался единственной системой, способной остановить процесс. Они не просили сражаться и не предлагали награды. Для коллективного разума спасение пяти частей было достаточным объяснением любого риска.

— Почему вы не позвали его сами? — спросил Николаич.

Ответ заставил всех увидеть центральный фрагмент снаружи. Слабые импульсы уходили в космос и возвращались пустыми. Носовая часть отвечала координатами, но не могла двигаться. Хранитель спал. Разбудить его можно было только на месте, подав энергию и восстановив связь с живыми Эллари.

Аар-Таал попытался задать вопрос о технологии связи. Древний разум не сопротивлялся объединению; он развернулся внутри него, показывая восемь столетий опыта, и коллектив на мгновение замер перед объемом одной отдельной памяти. Затем Эллари коснулись его с таким же любопытством, с каким глава Дома изучал их. Между ними прошел обмен, который никто из людей не сумел понять полностью: устройство полей, вода, живые контуры, память рода,

корабль, способный чувствовать экипаж. Аар-Таал получил лишь обрывки, но даже они заставили его жабры раскрыться шире.

Силы Эллари закончились внезапно. Общая связь дрогнула, пять сознаний начали терять границы уже не по собственной воле, а от истощения. Таар-Ил почувствовал опасность и направил их обратно к телам. Аар-Таал помог, создавая вокруг каждого участника отдельный ментальный контур. Лиан вспомнил собственное имя, построил защиту и вытолкнул из нее чужие ощущения. Один за другим люди вернулись в себя. Настя вернулась последней.

Она стояла внутри рабочей кабины, прижав обе ладони к прозрачной стенке. Перед ней находилась карта, за спиной — выход, справа — открытая камера моря. Крылова видела всё это, но несколько секунд не могла определить, какое изображение принадлежит ее глазам. Коллектив прошел сквозь стены, которые она строила вокруг страха, не разрушая их и даже не замечая. Теперь в сознании оставались следы чужих тел, чужой боли и ощущения, что личная мысль может перестать быть личной без единого движения.

Таар-Ил почувствовал, как она пытается вернуть порядок. Имя. Должность. Семь членов экипажа. Пять капсул. Координаты. Настя раскладывала себя по фактам, как карту незнакомого пространства. На третьем повторении дыхание выровнялось. Она заметила внимание молодого Саа и мгновенно закрылась. Таар-Ил отвел взгляд.

— Всем оставаться на местах, — приказал Николаич, хотя сам едва удерживался за край панели. — Проверяю сознание, давление и реакцию. Если кто-то сейчас заявит, что здоров, начну с него.

— Я не здоров, — сообщил Манс, сидевший на полу рядом с кабелем. — Я только что побывал древним Саа, магом, врачом и чем-то с шестью руками. У меня накопились вопросы к каждому.

— Потом, — сказал Андрей.

Собственный голос звучал хрипло. Вельский посмотрел на ладони, убеждаясь, что видит их глазами одного человека. Сила оставалась рядом, но изменилась. После прикосновения Эллари Андрей впервые почувствовал не только предметы вокруг, а слабое напряжение самого пространства между ними. Оно исчезло прежде, чем он успел сосредоточиться.

Аар-Таал восстановился быстрее. Зеленая жидкость внутри сферы потемнела почти до черного, служащие Дома уже вводили в нее новые волокна, но древний Саа смотрел на аварийный блок с восхищением, которое не пытался скрыть. — Они построили коллектив без уничтожения отдельных разумов, — произнес он. — Совет считает подобное невозможным. Матери связывают течения, но всегда остаются центром. Здесь центра нет. Каждый существует сам и одновременно становится частью большего.

— Они захватили наши головы, — возразила Настя.

Голос оказался спокойным, почти холодным. — Не спросили. Не предупредили. Не оставили возможности отказаться.

Все повернулись к ней. Крылова не отступила. — Возможно, они не считают это нападением. Для нас оно от этого не перестает быть нападением.

Аар-Таал медленно наклонил голову. — Вы правы. Любопытство не должно превращать нарушение границ в достоинство. Я учту это при следующем контакте.

Настя кивнула и вернулась к карте, словно вопрос был исчерпан. Таар-Ил чувствовал обратное. За ее стенами появилась новая трещина. Она не расширялась. Пока.

Николаич закончил осмотр через двадцать минут. Ни один человек не получил физического повреждения, однако показатели мозга несколько минут напоминали состояние после тяжелого приступа: разные участки возвращались к привычному ритму не одновременно, память путала чужие ощущения с собственными, а Манс дважды пытался пошевелить конечностью, которой у него никогда не было. Врач запретил немедленный вылет. Андрей отменил запрет как командир. Николаич повторил его уже как член экипажа, отвечавший за способ-

ность остальных добраться до корабля, и только тогда Вельский согласился дать команде два часа.

Пауза не означала отдыха. Дом продолжал укреплять собранную систему, переносил оборудование на грузовую платформу и рассчитывал, выдержит ли «Искатель» дополнительную массу. Аар-Таал закрыл западный сектор для внешних каналов. Официально верфи проводили аварийное испытание нового преобразователя, из-за которого несколько кварталов остались без части энергии. Совет получил автоматическое уведомление и потребовал объяснений. Глава Дома ответил, что объяснения будут предоставлены после завершения испытания, не уточняя, завершится ли оно через час или через следующее столетие.

— Они поверят? — спросил Андрей.

— Нет, — спокойно ответил Аар-Таал. — Но сомнение требует времени на проверку. В данном случае время полезнее доверия.

Он развернул координаты, переданные Эллари. Зона находилась за пределами обычных маршрутов, возле цепи астероидов, появившейся после одного из ранних раскрытий Излома. Конкордат заявил исследовательское право не на основании поселения или работающей станции, а потому, что первым установил там три автоматических маяка. Другие фракции признавали требование лишь частично. Доминион Пепельных Солнц несколько раз проходил через сектор без разрешения, Саа избегали спора, Магократия считала пространство недостаточно интересным для конфликта. Для людей ситуация выглядела проще: «Искатель» не принадлежал ни одной старой фракции и формально мог лететь куда угодно. Практически корлианцы рассматривали любое чужое исследование как посягательство.

— Если их корабли уже там, они потребуют уйти, — сказал Таар-Ил.

— А если узнают, что мы нашли? — спросил Манс.

Аар-Таал увеличил изображение одной капсулы. — Конкордат изучит существ, систему коллективного разума и корабль. В таком порядке или в обратном, в зависимости от того, что сочтет ценнее. Согласия Эллари не спросят. Корлианцы уважают права тех, кто способен защитить их последствиями.

— Значит, не узнают, — решил Андрей.

— Это намерение, не план.

Настя начала строить план. По сохранившемуся сигналу она рассчитала вероятное положение носовой части, сопоставила с корлианскими маяками и нашла подход со стороны плотного астероидного потока. «Искатель» мог пройти за крупными телами, погасить активные сканеры и выйти к обломку на инерции. После этого требовалось оставить корабль вне прямой видимости, высадить группу и подключить аварийный блок к Хранителю. Слишком многое зависело от того, сохранился ли реактор, работал ли управляющий центр и представлял ли живой узел хотя бы приблизительно то, что показали Эллари.

— Мы строим маршрут по воспоминанию существ, которые не знают, сколько пролежали без сознания, — заметил Лиан. — Координаты могли измениться. Носовая часть могла разрушиться. Хранитель мог погибнуть.

— Мог, — согласился Андрей.

— И всё равно полетим, — закончил маг вместо него.

— У тебя есть другой способ сохранить пятерых?

— Нет. Поэтому я не предлагаю отказаться. Я предлагаю не превращать надежду в уверенность. Иначе первая закрытая дверь покажется предательством тех, кто ничего нам не обещал.

Аар-Таал одобрительно провел ладонью по границе сферы. — Ваш наставник полезен не только магией.

— Он регулярно об этом напоминает, — ответил Манс.

Лиан не удостоил пилота взглядом. За время работы белые волосы выбились из высокого хвоста и теперь плавали вокруг плеч в слабом поле лаборатории. Накопитель на поясе был почти пуст, лицо оставалось бледным, однако маг уже проверял снаряжение и подбирал кристаллы для следующей высадки. Для него два часа означали не отдых, а время восстановить столько энергии, сколько позволяли запасы Дома.

Андрей вышел из лаборатории впервые после посадки. За прозрачной стеной коридора находилась темная вода. Пристань жила обычным циклом: грузовые существа тянули платформы, свет проходил по башням, Саа двигались между уровнями и не знали, что в закрытом секторе лежат представители расы, чье название еще утром не существовало ни в одном известном людям справочнике. Вельский прислонился лбом к прохладной поверхности. Голова все еще болела после боя и ментального контакта. Внутри оставалось чувство пяти чужих тел, и иногда он не мог понять, действительно ли согнул пальцы или только вспомнил движение конечности Эллари.

— Если собираешься падать, предупреждай, — сказал Николаич за спиной.

— Не собираюсь.

— Все падающие считают так до начала процесса.

Врач протянул ему небольшой контейнер с восстановительным раствором. Андрей выпил, поморщился и вернул пустой сосуд. — Арес?

— Получил новый слой ткани, временную пластину и приказ не нагружать руку двое суток. Через десять минут придет рассказывать, почему приказ невозможно выполнить.

— Сможет участвовать в высадке?

Николаич посмотрел на командира так, будто вопрос о здоровье и вопрос о решении были разными вещами. — Сможет идти, стрелять левой рукой и один раз совершить что-нибудь крайне неразумное. После второго я начну собирать плечо заново. Оставить его здесь было бы медицински правильно.

— Но?

— Но тогда он угонит транспорт Дома и полетит следом. Поэтому я предпочитаю видеть пациента на общей схеме.

Арес появился в конце коридора раньше, чем врач закончил. Правая рука находилась в гибком фиксаторе, поверх ожога лежала полупрозрачная ткань Саа, а восстановленная броня висела за спиной служащего Дома. Десантник шел ровно, но каждый поворот корпуса выдавал боль.

— Командир, — произнес он, приближаясь, — прежде чем Николаич изложит ложную версию, сообщаю: к работе годен.

— Он может один раз совершить что-нибудь неразумное, — передал Андрей.

— Отлично. Обычно мне требуется не больше.

Николаич поднял палец. — Один раз за все задание, а не в каждом помещении.

— Формулировка изначально была недостаточно точной.

Андрей посмотрел на товарища. До Излома он счел бы обязанностью командира запретить участие. Месяц назад — попытался бы убедить.

Теперь Вельский знал, что группа держалась не на праве одного человека решать за остальных, а на доверии к тому, что каждый понимает цену собственного выбора. — На высадке идешь последним. Правая рука не участвует. Если Николаич говорит вернуться, возвращаешься без спора.

— Последнее условие выглядит чрезмерным.

— Тогда остаешься.

— Принял.

В лаборатории Настя закончила маршрут и теперь переносила его в систему «Искателя». Она несколько раз проверила одну и ту же точку входа, хотя расчеты совпадали. Таар-Ил стоял

рядом, помогая адаптировать координаты Саа к человеческому интерфейсу. Крылова не смотрела на него после ментального контакта. Молодой Саа тоже молчал.

— Ты чувствовал нас всех? — спросила она неожиданно.

— Да.

— Всё?

Вопрос не требовал уточнения, но Таар-Ил ответил только после паузы. — Нет. Чувства. Направления мыслей. Отдельные воспоминания, которые коллектив использовал для разговора.

— Мои тоже?

— Некоторые.

Настя замерла над панелью. На внешней камере проплыло длинное светящееся существо, исчезло за башней и появилось с другой стороны. — Не рассказывай остальным.

— Не расскажу.

— И не пытайся исправить.

Таар-Ил почувствовал за словами страх, почти сразу превращенный в требование. Он мог сказать, что чужая боль не является поломкой, что Саа не исправляют переживания, а разделяют их. Мог признаться, насколько близко Крылова подошла к границе, за которой стены перестанут удерживать накопленное. Но для этого пришлось бы подтвердить, что он продолжает чувствовать ее без разрешения.

— Не буду, — ответил молодой Саа.

Настя кивнула. Часть ее напряжения ушла, и именно это заставило Таар-Ила впервые усомниться в собственном решении. Он дал обещание, которого она хотела, но не был уверен, что обещание являлось помощью.

За полчаса до вылета Аар-Таал собрал экипаж возле аварийного блока. Дом закрепил вокруг него переносную раму, два полевых преобразователя и резервный контур, рассчитанный на шесть часов независимой работы. Конструкция заняла почти весь грузовой отсек «Искателя» и увеличила массу сильнее, чем нравилось Мансу. Пилот обошел ее трижды, каждый раз находя новый выступ, способный помешать закрытию створки.

— Если понадобится быстро покинуть корабль, — сказал он, — мы будем выходить по одному и извиняться перед каждой трубой.

— Вам не понадобится покидать корабль быстро, — ответил Аар-Таал.

— Обычно после такой фразы именно это и требуется.

Глава Дома передал Андрею тонкую пластину с собственной сигнатурой. Она давала доступ к закрытым частотам Дальних Течений, позволяла запросить помощь и подтверждала, что оборудование в грузовом отсеке выдано с согласия владельца. Последний пункт был предназначен не для корлианцев, а для Совета Саа. Если Матриархат решит обвинить людей в краже технологий, документ превращал спор в дело одного Дома, чьи права защищались старыми соглашениями.

— Я не отправляю с вами гвардию, — произнес Аар-Таал. — Ее появление подтвердит Конкордату, что речь идет о значимой находке. Не отправляю исследователей по той же причине. Вы полетите тем составом, который уже видел Эллари и связан общим риском.

— Вы быстро приняли их разумность, — заметил Андрей. — Мы знаем только имя и несколько образов.

— Разумность определяется не сходством с нами. Они почувствовали смерть своих частей, различили намерение помощи, передали координаты и поняли ваш вопрос об опасности. Этого достаточно. Их отношение к чужим границам требует обсуждения, но отсутствие воспитания не превращает разум в груз.

Николаич одобрительно хмыкнул. Настя ничего не сказала.

— Что вы хотите взамен? — спросил Андрей.

— Доступ к данным, если Эллари согласятся. Возможность говорить с ними после восстановления. И обещание не отдавать Хранителя ни одной фракции до того, как сами существа определят его судьбу.

— Даже вашему Дому?

— Особенно моему Дому. Я торговец, Андрей. Способность заранее ограничить собственную выгоду иногда делает сделку возможной.

Вельский протянул руку. Прозрачная граница сферы разошлась вокруг ладони Аар-Таала, вода не вылилась, и длинные пальцы сомкнулись вокруг человеческих. — Договорились.

— Теперь неприятная часть, — продолжил древний Саа, не отпуская рукопожатия. — Сигнал, который передали Эллари, был слабым, но не направленным. Его могли услышать корлианские маяки. Вы рассчитываете опередить наблюдателей. Я предлагаю рассчитывать, что они уже ждут.

— Почему не сказали раньше?

— Потому что раньше вы всё равно полетели бы. Теперь хотя бы успели отдохнуть два часа.

— Начинаю понимать, как вы дожили до восьмисот семидесяти четырех.

— Осторожность увеличивает продолжительность жизни. Любопытство регулярно сокращает ее обратно.

Рукопожатие закончилось. Аар-Таал приблизился к аварийному блоку и на мгновение открыл ментальный канал. Пять Эллари почувствовали древнего Саа. В ответ пришло слабое узнавание того, кто помог удержать их тела. Глава Дома передал им образ маленького корабля, носовой части и возвращения к Хранителю. На этот раз не позволил коллективу расширить контакт, сразу обозначив границу. Существа остановились перед ней. Возможно, начали учиться.

«Искатель» поднялся с западного причала до того, как Совет получил второе уведомление. Платформа вышла из воды, двигатели разогнали потоки, и город начал уменьшаться под крыльями. На общем канале Манс объявил, что реактор работает в допустимом режиме, затем добавил менее официально, что после возвращения лично запрет его в верфи, пока корабль не перестанет скрипеть при каждом повороте.

Андрей стоял в рубке между креслами пилота и координатора. Пять отметок горели на внутренней схеме. Впереди находились чужая зона, целый реактор мертвого корабля, не проснувшийся Хранитель и корлианцы, которые могли считать всё это своей собственностью. Позади оставался единственный человекоподобный Саа, способный помочь им снова, но не способный сделать путь безопасным.

— Курс проложен, — сказала Настя. — До зоны маяков девятнадцать часов сорок минут. Последние четыре часа идем без активных систем.

— Манс?

Пилот положил ладони на управление. «Искатель» наклонил крылья, вышел из атмосферы и повернул к темной полосе космоса, где координаты Эллари отмечали недостающую часть собственного народа.

— Птичка готова, командир. Вопрос только в том, готовы ли те, кто решил встать у нее на пути.

Глава 3. Координаты надежды

Первые семь часов полета прошли под звук работающего преобразователя. Он не был громким. Низкая вибрация едва касалась пола грузового отсека, иногда меняла частоту и снова становилась частью обычного гула корабля, однако никто из экипажа не переставал ее слышать. Стоило устройству задержаться на одной ноте дольше обычного, как Николаич поднимал голову от показателей, Настя открывала дополнительную схему питания, а Манс спрашивал из рубки, не пора ли уменьшить тягу. Пять Эллари оставались живы. Этого было достаточно, чтобы любой новый звук воспринимался угрозой.

Андрей провел возле аварийного блока почти всё время, отведенное остальным на сон. Он не мог помочь врачу и не пытался вмешиваться в работу систем, но присутствие командира почему-то казалось необходимым, словно спасенные существа могли определить, что человек выполнил данное обещание, только если продолжал стоять рядом. Лиан обнаружил его после третьего часа, молча поставил на край панели сосуд с водой и сел напротив.

— Если собираешься объяснить, что отсутствие сна ухудшает контроль, Николаич уже объяснил, — сказал Андрей.

— Тогда мне не придется повторять.

— Но ты всё равно пришел.

— Проверить, способен ли ты заниматься чем-нибудь полезным вместо наблюдения.

Маг положил между ними пять небольших металлических колец. Обычно упражнения проходили в тренировочном отсеке, где ошибку можно было исправить, а случайный толчок не угрожал системе жизнеобеспечения. Сейчас вокруг находились капсулы, временные кабели и оборудование Дома, поэтому Андрей сразу покачал головой.

— Именно здесь, — продолжил Лиан. — В безопасном помещении ты учишься использовать силу. Возле хрупкой системы — решать, когда ее не использовать. Подними одно кольцо.

Вельский выбрал крайнее. Металл отозвался знакомым сопротивлением, поднялся на несколько сантиметров и остановился. После событий в хранилище простое действие казалось почти бессмысленным, однако Лиан заставил его удерживать кольцо, пока корабль менял курс, преобразователь вибрировал, а мысли снова и снова возвращались к погибшим капсулам. Затем попросил поднять второе.

Серебристые линии аварийного блока вспыхнули прежде, чем второе кольцо оторвалось от поверхности. Пять Эллари одновременно вышли из состояния вынужденного покоя и сжали общий контакт вокруг Таар-Ила. Их реакция не походила на интерес к новой способности. В ней возник мгновенный страх узнавания: высокий двурукий силуэт, синее поле вокруг тела и ощущение силы, которая не двигала предмет, а заставляла окружающее пространство принять чужую волю. Образ исчез слишком быстро, чтобы рассмотреть лицо, однако ненависть и паника остались.

Андрей опустил кольца. — Что произошло?

Таар-Ил удержал пять разумов перед границей и передал им память о человеке, вытаскивающем аварийный блок из разрушенного хранилища. — Они почувствовали твоё воздействие. Не сам телекинез. То, как костюм усилил связь с окружающим полем. Эта сигнатура принадлежит чему-то, чего они боятся.

Лиан посмотрел на синие руны, проступившие вдоль запястий ученика. — Броня старше всех известных нам поселений и была создана не Саа. Совпадение с их памятью закономерно.

— Закономерно не означает безопасно, — ответил Андрей. Он открыл ладони, показывая их капсулам, хотя существа не могли видеть жест. — Передай ещё раз: это я. Тот же человек. Костюм не управляет мной.

Молодой Саа передал. Страх ослаб, но не исчез. Эллари приняли факт и не приняли ощущение: разум узнавал спасителя, а тело и древняя память продолжали ждать врага.

— Я устал.

— Поэтому второе останется лежать. Сдвинь его воздухом.

Магическая грань откликалась иначе. Телекинез позволял воздействовать на предмет напрямую, а стихия воздуха требовала сперва почувствовать среду между ним и ладонью. Андрей больше не представлял невидимый поток, как делал на первых тренировках. Он ощущал давление возле пальцев, движение теплого воздуха от преобразователя и слабый обратный поток системы вентиляции. Достаточно было изменить их направление, не создавая ничего нового. Кольцо покатилось. Не поднялось, только прошло по панели и столкнулось с соседним.

— Точнее, — потребовал Лиан.

— На корабле всё еще есть пилот. Может, кольцу не требуется летать.

— Пилот не сможет отклонить летящий в тебя предмет, если находится в рубке.

Андрей повторил. Воздух собрался возле края, приподнял металл и тут же рассеялся. На третьей попытке кольцо прошло через центр первого. Вельский удерживал одно телекинезом, второе — потоком, и впервые ясно почувствовал различие: сила изменяла предмет, магия договаривалась с тем, что уже существовало вокруг.

— Лучше, — сказал Лиан. — Теперь отпусти оба.

Кольца легли на панель. Головная боль не усилилась. Для Андрея это означало больше, чем завершенное упражнение.

— Когда мы войдем в обломок, — продолжил маг, — ты будешь использовать оружие и силу вместе. Не ждать, пока закончатся патроны. Не пытаться решить телекинезом всё. Отклонить выстрел, открыть путь, нарушить равновесие. Малое воздействие в нужный момент полезнее смятого тела после потери контроля.

— Ты говоришь так, будто уверен, что нас там будут ждать.

— Аар-Таал уверен. Настя тоже, хотя не произносит этого вслух. Манс третий час просматривает записи гонки и ищет характеристики корлианского судна. Арес попросил заточить клинки, которые не нуждаются в заточке. Я предпочитаю считать коллективный вывод команды достаточным основанием.

Андрей посмотрел на пять капсул. Существа не двигались. Их тела оставались сложенными вокруг нервных узлов, цвета кожи медленно менялись вместе с работой среды. — Если корлианцы уже нашли носовую часть, мы опоздали.

— Нет. Тогда задача изменилась. Опоздаем, если решим, что прежний план важнее происходящего.

Эта фраза напоминала Левина. Андрей сказал об этом. Лиан принял сравнение без удовольствия и без возражений. — Твой наставник понимает природу командования. Я понимаю природу силы. Иногда выводы совпадают.

— Он бы сейчас сказал, что командир должен спать.

— В этом выводы тоже совпадают.

Николаич появился у входа, будто ждал именно этой реплики. Он держал инъектор и выражение человека, который давно отказался убеждать пациента словами. Андрей поднялся прежде, чем врач успел приблизиться.

— Сам дойду.

— До койки. Четыре часа. Если увижу тебя раньше, остальные получат право привязать командира.

— К какому решению пришел экипаж? — спросил Андрей у Лиана.

— Единогласно поддерживает врача.

Вельский ушел спать. Уснул он раньше, чем успел решить, сердиться ли на собственную команду.

Когда Андрей проснулся, «Искатель» находился в двенадцати часах от зоны корлианских маяков. На внутреннем экране медицинского отсека горел краткий отчет: пять Эллари живы, Арес нарушил режим дважды, Манс ни разу не превысил расчетную тягу и поэтому требовал считать время сна командира удачным периодом в истории корабля. Ниже Настя оставила обновленный маршрут и отметку о том, что обнаружен слабый повторяющийся сигнал из целевого сектора.

В рубке было темно. Крылова снизила освещение, чтобы внешнее изображение занимало всё обзорное поле. Звезды медленно смещались над носом, между ними проходили редкие частицы пыли, подсвеченные собственными огнями «Искателя». Манс сидел в пилотском кресле, босые ноги упирались в край панели, а нейроинтерфейс костюма был подключен только к вспомогательным системам. Основное управление пока оставалось ручным.

— Командир вернулся, — объявил пилот. — Заканчивается короткий период разумных решений.

— Я видел отчет. Ты не превышал тягу.

— Потому что Настя отключила мне доступ к превышению.

— Показатели реактора выходили за допустимый коридор, — объяснила Крылова. — Я ограничила команду, а не пилота.

— Корабль знает, кто виноват.

Андрей занял свободное место. Повторяющийся сигнал состоял из короткой последовательности, которая возникала каждые двадцать семь минут. По структуре он напоминал координатный импульс Эллари, но был слабее и искажен сильнее. Источник совпадал с предполагаемым положением носовой части.

— Хранитель? — спросил Андрей.

— Или автоматический маяк, — ответила Настя. — Аар-Таал был прав: части корабля продолжали обмениваться координатами. Центральный фрагмент перестал отвечать, носовая часть все еще зовет.

— Корлианцы его слышат?

— Если их маяки работают — да.

На карте светились три устройства Конкордата. Они располагались не возле самого обломка, а по краям исследовательской зоны и создавали сеть пассивного наблюдения. Любой активный сканер «Искателя» немедленно отразился бы в ней. Настя проложила маршрут через астероидный поток, где естественные искажения скрывали массу корабля. Последние четыре часа предстояло идти почти вслепую, опираясь на заранее рассчитанные положения движущихся тел.

— Мы можем отключить маяки? — спросил Андрей.

— Один, — сказал Манс. — Если подойти, высадить кого-нибудь и попросить его очень аккуратно сломать корлианскую собственность. После этого остальные заметят исчезновение.

— Значит, не можем.

— Мне нравится, как быстро командир учится переводить технические предложения.

Дверь рубки открылась. Арес вошел в восстановленной броне. Правая рука двигалась ограниченно, но фиксатор удалось встроить под наплечную пластину, и со стороны повреждение замечалось только по более медленному повороту корпуса. За ним появился Николаич, недовольный уже самим фактом, что пациент сумел надеть костюм без разрешения.

— До высадки двенадцать часов, — напомнил врач. — Сними броню.

— Проверяю посадку пластин.

— Проверил. Снимай.

Арес посмотрел на Андрея в поисках поддержки. Командир указал на выход. Десантник тяжело вздохнул, но подчинился. — Власть развращает людей быстрее, чем я ожидал.

— Это медицинская рекомендация.

— Поддержанная командованием. Опасное сочетание.

Николаич ушел следом, не скрывая удовлетворения. Манс проводил их взглядом. — Знаешь, командир, если когда-нибудь решишь захватить власть над фракцией, начни с врачей.

Остальные сдадутся сами. Настя увеличила сигнал. — У нас изменение.

В последовательности появился второй импульс. Он не совпадал с первым и возникал между повторениями нерегулярно, словно другой источник пытался подстроиться под маяк Эллари. Крылова отделила его, сравнила частоты и вывела на общий экран знакомую структуру корлианской связи.

— Кто-то отвечает, — сказала она. — Очень коротко. Запрос положения и состояния объекта.

— Автоматика? — спросил Андрей.

— Нет. Команды меняются. Там корабль.

Манс убрал ноги с панели. Шутливое выражение исчезло. — Расстояние?

— Не определить. Передача идет через один из маяков. Но если они получают ответ от обломка, то либо находятся рядом, либо уже подключились.

Надежда, возникшая после контакта Эллари, впервые столкнулась с конкретным противником. До этого корлианцы существовали на карте, в предупреждении Аар-Таала и воспоминании о гонке. Теперь их корабль разговаривал с носовой частью, пока «Искатель» оставался в двенадцати часах пути.

— Увеличиваем скорость? — спросил Манс.

— Нет, — ответила Настя раньше Андрея. — Чем быстрее войдем в сектор, тем сильнее след двигателя. Они увидят нас задолго до маяков.

— Если сохраним режим, они успеют открыть всё без нас.

— Мы не знаем, когда они прибыли и нашли ли вход.

— Зато знаем, что сидим далеко и очень грамотно не выдаем себя.

Спор не успел разгореться. Андрей посмотрел на карту. Прямой путь сокращал время почти вдвое, но превращал прибытие в объявление. Скрытый давал корлианцам преимущество, зато сохранял возможность увидеть происходящее раньше, чем увидят людей.

— Идем по маршруту Насти, — решил он. — Если они уже внутри, скорость ничего не изменит. Нам потребуется понять, сколько их и куда вошли.

Манс недовольно постучал пальцами по панели, но не спорил с приказом. — Тогда я хочу полный доступ к двигателям на последнем участке. Там поток меняется быстрее расчета.

— Получишь после контрольной точки, — сказала Настя.

— Командир, она снова ограничивает пилота.

— Потому что пока это работает.

— Власть развращает не только врачей.

Крылова уже не слушала. Она анализировала чужой сигнал, сохраняла каждое изменение и строила модель корлианского диалога. Таар-Ил остановился у входа в рубку, почувствовал напряжение координатора и не сразу понял, чем оно отличается от прежнего. Страх перед закрытым пространством оставался. К нему добавилось другое: корлианцы могли добраться до Хранителя первыми, и тогда пять разумов в грузовом отсеке умрут потому, что Настя выбрала медленный маршрут. Решение принимал Андрей. Однако Крылова присваивала себе ответственность за каждую линию на карте, словно командир лишь произносил вслух то, что она заставила его выбрать.

Таар-Ил мог сказать, что чувство не соответствует действительности. Не сказал. Настя заметила его и закрыла карту личным фильтром, отрезая психоника не стеной, а вежливым напоминанием о данном обещании. До контрольной точки оставалось одиннадцать часов.

В обычном полете одиннадцать часов позволили бы экипажу поесть, поспать и несколько раз поссориться из-за распределения вахт. Теперь время превратилось в подготовку, которая

всё равно не могла охватить неизвестность. Арес проверял оружие левой рукой и заставлял усилители брони повторять движения поврежденной правой, пока Николаич не отключил часть сервоприводов через медицинский доступ. Лиан размещал кристаллы в разгрузке так, чтобы любой накопитель можно было достать одной рукой. Манс переносил управление «Искателем» на костюм и одновременно ругался с ограничениями, которые Дом встроил в преобразователи. Настя перепроверяла маршрут. Таар-Ил сидел возле Эллари, пытаясь узнать, какие системы носовой части могли ответить на их присутствие.

Коллектив больше не открывал человеческие сознания без разрешения. Пять существ касались Саа короткими импульсами и останавливались перед границей, которую он удерживал. Их понимание мира оставалось обрывочным. Они различали целое и отделенное, живое и исчезнувшее, путь и остановку. Не знали названий звезд, потому что воспринимали координаты не как точки, а как взаимное положение множества полей. Не могли описать двери, реактор или оружие привычными образами. Для них корабль был продолжением общего тела. Хранилище являлось памятью, двигатели — движением, Хранитель — способностью возвращать утраченную форму.

— Спроси, опасна ли охрана носовой части, — предложил Арес.

Таар-Ил передал образ сфер. Эллари ответили узнаваемым чувством защиты, затем показали нечто другое: вытянутые фигуры, возникавшие из стен, гибкие конечности и яркие разряды между ними. Образ сопровождался уверенностью, что защитники не должны нападать на части общего целого.

— Должны, — повторил Манс. — Очень хорошее слово. Охрана центрального фрагмента тоже много чего не должна была.

— Носовая часть сохраняет общий центр, — сказал Таар-Ил. — Ее системы могут различить их.

— А нас?

Ответ оказался неприятно простым: нет. Андрей добавил в план требование не подавать внешнее питание до установления связи с Хранителем. Центральный фрагмент пробудился от энергии «Искателя» и немедленно признал людей угрозой. Если реактор носовой части действительно работал, повторять ошибку не требовалось. Таар-Ил должен был не управлять кораблем, а провести через него присутствие Эллари. Николаич подготовил переносной ментальный узел — небольшую часть аварийной сети, связанную с пятью капсулами. Она позволяла одному сознанию сопровождать десант на расстоянии, не перемещая весь блок.

— Какое из них пойдет? — спросила Настя.

Таар-Ил не смог ответить сразу. Пять существ не выбирали представителя так, как выбрали бы люди. Их мысли соединились, обменялись состояниями и выделили часть общей активности в ближайшей капсуле. Тело осталось неподвижным, но один нервный узел усилил работу. В переносном устройстве вспыхнула серебристая линия.

— Все, — сказал молодой Саа. — И одно.

— Удобно, — решил Манс. — На собраниях можно отправить одного и потом не пересказывать остальным.

Таар-Ил посмотрел на пилота. — Они не считают себя собранием.

— Я тоже не считаю наши совещания собраниями. Но Настя продолжает присылать расписание.

— Потому что без расписания ты приходишь после окончания, — ответила Крылова по каналу.

Манс поднял голову к камере. — Ты слушаешь грузовой отсек?

— Я слушаю весь корабль.

Шутка прозвучала привычно, однако Таар-Ил почувствовал, что последняя фраза означала больше. Настя действительно старалась слышать всё. После обломка ей стало трудно

оставлять хотя бы один сектор вне наблюдения. Она выводила камеры пустых коридоров, проверяла датчики шлюзов и просила сообщать о каждом переходе между отсеками. Экипаж принимал это за старательность координатора. Молодой Саа видел попытку убедиться, что ни одна дверь не закроется неожиданно и ни одно чужое сознание не появится рядом без предупреждения. Он снова промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.